

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

ГЕЛИОДОРА.

ГЕЛІОДОРА,
ИЛИ
ГРЕЧАНКА,
ИГРАЮЩАЯ НА ЛЮТНѢ.

Соч. Г-на. ЛИНДАУ.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

154105

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

**ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.**

1833.

Ст 16477/3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ пѣмъ , чшобы по оппечашаніи представ-
лены были въ Ценсурный Комитетъ *три*
экземпляра. Москва , Ноября 7 дня 1832
года.

Цензоръ Л. Цѣтасевъ.

ГЕЛИОДОРА.

КНИГА ПЯТАЯ.

НАСЛѢДСТВО СЕРЕНЫ.

Что можеть бышь надежнѣе благороднаго
сердца ?

Собрание писемъ Алвилля Ст. 235.

Дни юности уже шакъ далеки опъ
взоровъ моихъ, что я могу смопрѣшь
на нихъ равнодушно, какъ бы они были
чужіе. Хопя иное оставило споль глу-
бокіе слѣды, что многія спрувы, при
малѣйшемъ прикосновеніи, болѣзненно
содрогающа ; но судьба водила меня
довольно долго, чтообы дашь шо хлад-
нокровіе и шопъ безприсраспный

взоръ, коимъ можемъ обозрѣть наше существованіе и дѣйствія, не спрaшaсь ослѣпленія. — Изъ чистаго зеркала успокоенной души извлеку я прошедшее, чтобы утвердишь себя въ своихъ намѣреніяхъ симъ воспоминаніемъ, и разсмошрѣшь еще разъ заключенія, выведенныя мною изъ моихъ опытовъ; и доставишь любезнымъ, коихъ нѣкогда умирая оставлю по себѣ что нибудь, могущее сохранить меня въ ихъ памяти, и показатъ имъ все мое сердце, ежели она его здѣсь совсѣмъ не знали, или худо понимали.

Тебѣ, Базилідъ, мой благородный другъ, тебѣ должна я заплашитъ великій долгъ! Ты приобрѣлъ великое право видѣть всю мою душу открытую предъ тобою. Опираясь на твою руку, предприму путешествіе чрезъ пыльные поля минувшаго, къ твоей груди приклонюсь, ежели иногда воспоминаніе спѣснитъ сердце мое.

Геліодора! и для тебя также листы сіи. Часто, когда размышляла о юности своей, судьба швоя представлялась душѣ моей, и я прешала о бѣдствіяхъ, которыя тебѣ оставленной нѣкогда могушь угрожать. Исторія спраданій моего сердца, предостерегая и наставляя тебя, должна руководствовать въ жизни.

Но и вы, опдаленные любезные, въ сіи важныя минушы предстоите моему сердцу! Воспоминаніе любезнаго общества, изъ коего враждебная судьба меня испоргла, никогда не изглаживалось изъ моего сердца, и въ наслажденіи краткаго счастья, угоповленнаго мнѣ въ послѣдствіи добрымъ геніемъ, часто посвящала я вашей памяти тихія слезы. Сколь много ни спрадала и въ своей отчизнѣ, сколь ни пріятно покоишься нѣкогда въ сей священной землѣ подъ остатками славнаго древняго міра—но ахъ! чѣмъ не пожертво-

вала бы я, чшобы еще разъ видѣшь спрану своей юности. Ежели бы вы всѣ, всѣ могли нѣкогда окружить смершнй одръ мой, и попухающіе взоры могли еще разъ благодарить васъ за любовь вашу!—Опець мой! брашець! Корнелія! увидяшь ли глаза ваши сіи лисшы? доставишь ли вамъ случай послѣдніа слова пошерянаго друга? А пы Ангелика! Глаза мои, кои прежде пошько сквозь слезы улыбались шебѣ, когда пы проеширала ко мнѣ свои нѣжныя рученки, усшремляюща на шеба. О любезное дия! просши жестпокой судьбѣ, чшо я не могла бышь для шеба шѣмъ, чшо по внушенію сердца было споль еспешвенно.

Съ самага дѣшства уже вижу печаль; первыя воспоминанія мои—слезы. Едва минуло мнѣ пашь лѣшь, какъ машь моя скончалась; я была единшвенное дия ея. Въ высокой залѣ лежало шѣло ее на черномъ одръ, бѣлыя свѣшильники

ярко горѣли вокругъ. Уже два дни я со слезами искала вездѣ мапушки; шупть вошла я вечеромъ въ залъ. Маминька! Маминька! вскричала я, бросаюсь на бездушный шрупъ. Ты спишь? сказала я шихо, схвативъ ея руку, и, прислушиваясь, наклонилась на блѣдное лице ея. Не всегда спи, Маминька! не всегда спи! попомъ озираясь вокругъ освѣщенной комнапы, я посмошрѣла на почтенныя изображенія предковъ моихъ, кои печально взирали на покойницу, какъ бы шакже сожалѣя о рано-увядшей красотѣ своего рода. Я ужаснулась сего шоржешвеннаго безмолвія и громко заплакала. Тупъ подошелъ бапшошка, кошорый примѣчалъ за мною. Онъ бросился на колѣна передъ одромъ, крѣпко сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ и прижалъ наполненныя слезъ глаза къ хладной рукѣ умершей; я все еще плакала и просширала руки къ шрупу, когда отецъ вынесъ меня и шрпещущимъ голосомъ спарался успокоить.

Мать моя была вторая супруга его. Съ первую соединило его только желаніе родителей, но смерть скоро прервала сіи пятоспные узы, ибо рожденіе Алессія споило ей жизни. Любовь соединила его съ моею матерью; и ахъ! прекрасная весна жизни, копорую вкушала онъ въ семь союзъ, продолжалась не болѣе шести лѣтъ. — Опець мой былъ благомыслящій, спепенный человекъ. Когда его пламенная душа однажды предпринимала великую мысль, то уже неупомимо спремилась впередъ, не взирала ни на какія препяшспвія. Онъ охотно пролагалъ себѣ насильно путь, а гдѣ, не взирая на то, оспанавливали его обстоятельспва, тамъ онъ не хоспль шerpпливо покоряшсья, но съ негодованіемъ поспрясалъ цѣпи свои. Хотя въ послѣдспвіи духъ его весьма упалъ отъ многихъ ударовъ судьбы, и быспрый полетъ ума укропился; но въкопорая юношеская сила и высокое вдохновеніе къ прежнимъ любимымъ

идеямъ, не оставила духъ его и въ спароспи.—Кшо видѣль эшого человѣка въ кругу его родныхъ, какъ онъ былъ нѣжень, какъ становился веселѣе и живѣе, по мѣрѣ какъ кругъ сей спѣснялся и дѣлался искреннѣе—кшо видѣль сего добраго опца, сего нѣжнаго брапа, сего усерднаго друга, шопѣ не подозрѣвалъ непреклоннаго геройскаго духа въ сей груди, исполненной любви.

Изъ многихъ братьевъ и сестеръ, у него осталась только младшая—Корнелія. Я должна рассказать вамъ какова она была, какъ ласкова и благородна? О Геліодора моя! ежели ты ее когда либо спѣщишь, то она будетъ и для тебя, чѣмъ была для меня—Ангеломъ храницелемъ швоей юности; въ ея объятіяхъ дитя поперяннаго друга уже не будетъ оставленнымъ. Она до своего замужства жила съ опцемъ моимъ въ нашей деревни близъ Мессины, на берегу морскомъ. Здѣсь возрасалъ при

ней братья мой Алессіо. Будучи сама почти ребенкомъ, она матерински переклалась о сиротствующемъ дѣтствѣ его; здѣсь она непримѣнно созрѣвала къ скромному величію духа и сердца. Все что она была, была обязана одной себѣ; потому и образованіе ея имѣло твердость и основательность, какія рѣдко находятся въ нашемъ полѣ.

Около двухъ лѣтъ послѣ смерти матери моей, Корнелія вышла за мужъ за Маркеза Ормонделли, коего значительныя помѣстья находились въ Вальди-Ното. Отецъ мой не повиновался сильной просьбѣ ея опустить меня съ нею; ибо чувствовалъ все ея достоинство и зналъ, что никто не можетъ такъ усердно спараться о моемъ образованіи какъ Корнелія. Самъ онъ хотѣлъ спараться въ Мессинскомъ замкѣ и придаваться совершенно воспитанію брата моего, который уже теперь на тринадцатомъ году показывалъ споль

великія дарованія; въ немъ опцовскій высокій духъ и важность смягчались кропоспю.—Мархезъ возилъ насъ по своимъ Сицилійскимъ помѣстьямъ, предоставляя супругъ своей выборъ будущаго пребыванія. Окрестности Кананіи были споль привлекательны, что она предпочла весслый замокъ, лежащій при подошвѣ оплогого холма близъ города, всѣмъ прочимъ. Я съ дѣтства была склонна къ спокойнымъ размышленіямъ и любила углубляться сама въ себя; можеть бытъ сіе было слѣдствіемъ уединенной жизни, въ коей прошекли первые годы моего младенчества, и важнаго безмолвія, господствовавшаго въ нашемъ кругу, по причинѣ мрачной печали бацюшки о смерти моей матери. Рано открылся мнѣ внушрній міръ, въ коемъ я шѣмъ ревностнѣе созидала, чѣмъ меньше внѣшній возбуждалъ и питалъ свѣжій юношескій духъ мой. Рано воображеніе мое пришло въ сильную дѣяпельность, и опъ того получило

перевѣсь надъ прозями силами души моей.—Отецъ мой и Корпелія, оба возвысились надъ предрасудками мрачныхъ вѣковъ, и были увѣрены, что религія не снаружи внушается человѣку, но что она есть лучезарная почка въ свяшилищѣ сердца, распро­с­п­ря­ня­ю­щая лучи свои на все существо образованнаго человѣка: но кормилица брата моего, жившая въ нашемъ домѣ, была добродушная женщина ограниченнаго ума, и рачительно старалась исправить то, о чемъ, по ея мнѣнію, не радѣли. Воображеніе мое съ жадностью принимало искаженныя понятія, представляемыя ему повѣстями кормилицы, и соспавляло изъ нихъ самое странное цѣлое. Происходившее въ дѣтскомъ умѣ моемъ не скрылось отъ прозорливаго взора Корпеліи; она чувствовала, что только подъ попечительнымъ надзоромъ, въ свободномъ и пріятномъ обществѣ, могутъ развиться мои способности къ добру, и

попому сильно настаивала у бапюшки, чпобы онъ поручилъ меня ея попеченію.

Теперь находилась я въ совершенно новомъ положеніи. Мархезъ, болѣе изъ приличія, нежели по склонности, провелъ большую часть пропекшей жизни въ споліцѣ, и при нѣкопорыхъ чужихъ дворахъ посланникомъ; онъ, не перая собспвеннаго доспоинства, приобрьлъ понкую услупчивость свѣпскаго человѣка, а шеперь рѣшилъ жить уже для себя, для супруги и малаго числа друзей, кои вскорѣ собрались около него. Не бывъ никогда обманушимъ въ своихъ надеждахъ, изнѣженное чадо счастья, онъ всегда былъ весель, и умѣлъ скоро изгонять печаль, ежели она хотѣла приблизиться къ его кругу.

Когда мы нѣсколько успокоились послѣ первыхъ мѣсяцевъ шумныхъ удо-

вольспвій, по Корнелія спала за мною спрожє наблюдашь. Преждевременная дѣяпельность моего воображенія, склонность къ шихимъ размышленіямъ, не успрашили ее, какъ она мнѣ послѣ разсказывала ; но чптобы доспавипшь достпойный предметъ сему живому пворческому побужденію и заняшь еди-нообразно душу мою, вопшь куда кло-нились ее попеченія. — Теперь я была неразлучна съ своей наспавницею. Уче-ніе ея не имѣло шой принужденности и почности, копорья для молодыхъ умовъ споль шягоспны, но оно имѣло 'легчайшую свободу, было въ благород-нѣйшемъ смыслѣ—игрою. Рѣдко на-спавляла она меня, не бывъ къ шому вызываема ; но умѣла возбуждашь мое любопытство, пробуждашь пошреб-ность духа, и, удовлетворяя онымъ, возбуждашь новое сильнѣйшее желаніе. Она при семъ слѣдовала правилу, ко-имъ вообще руководспвовалась : чпто воспитаніе не должно ничего прививать

человѣку, а только изъ него развивашь; что цѣль воспитанія есць—дашь поводъ къ воспитанію. Такимъ образомъ приучала она умъ мой къ свободной самодѣятельности, приучала внимательно замѣчать все, и все меня съ избыткомъ награждало.

Перемена образа жизни, и пища, доставляемая душѣ моей благоразумной Корнеліей, поспешенно изгладили впечатлѣнія, полученные мною въ родительскомъ домѣ; но живость воображенія и расположеніе духа къ мечтаніямъ, пребыли глубоко вкорененными во мнѣ. Виды перемѣнились, но мѣсто дѣйствія оспалось одинаково.— Уже въ малой, извѣстной мнѣ, части опечесства моего, отъ Мессины до Капаніи, находилось многое, что сильно напоминало славу прошедшаго: памѣ видѣла я величественныя оспашки шеапра Терминскаго между высокими скалами, когда мы проѣзжали сію волшебную

спрану въ пихую, свѣплую лѣпную
ночь. Испорія была любимымъ заня-
тіемъ Корнеліи, она была увѣрена,
что ничто не можетъ споль сильно
возвысить и пишатъ геройскій духъ,
и воспламенить любовь къ опечеству,
какъ мысли и духъ древнихъ. Хотя
она не знала Греческаго языка, но зна-
ла сполько новыхъ языковъ, что
могла чувствоватъ въ хорошихъ пере-
водахъ всю великость ихъ духа. О! я
и теперь еще наслаждаюсь удоволь-
ствіемъ тѣхъ мнуетъ, когда она сидѣла
въ уединенномъ кабинетѣ своемъ съ
переводомъ Ксенофонта или съ Фран-
цузскимъ Плулархомъ, а я, стоя пе-
редъ нею на колѣняхъ, едва дыша, слу-
шала ее и смотрѣла въ глаза ея, ко-
торые, по пріятно ожи вопворялись,
по пламенно сверкали, по наполнялись,
слезами. Съ какимъ учасіемъ она раз-
сказывала, съ какимъ благоразуміемъ
поболько по извлекала, что могло бытъ
полезно для ума и сердца!—Я, будучи

еще ребенкомъ, знала священныя имена Сократа и Эпаминонда, носилась воображеніемъ надъ Термопилами и другими подобными мѣстами, и любила сей новый міръ, съ копорымъ знакомила меня Корнелія.

Такъ пеклась о моемъ образованіи сія нѣжная родспвенница до принадлежащаго года моего; шупъ я въ первый разъ опять увидѣла родину свою. Уже два раза мы щещно ожидали посѣщенія, копорое отецъ мой и Алессіо обыкновенно дѣлали намъ ежемѣсячно, и уже начали беспокоиться, какъ получили письмо, въ коемъ бапюшка просилъ Мархеса исполнить обѣщаніе свое, представить въ Неаполь брата моего, копорый желалъ вступить въ военную службу; онъ назначалъ день, въ который будетъ ожидать насъ въ Мессинѣ. Ормонделли, за нѣсколько передъ тѣмъ, получилъ наслѣдство въ Неаполь отъ родспвенника съ мате-

риной спороны, кошорое его шакже призывало шуда на нѣкоторое время ; въ назначенный часть я находилась въ объашіяхъ бапюшки. Онѣ обрадовалъ насъ извѣстіемъ, что празднуешъ сегодня сороковой день рожденья своего; я въ воспоргѣ цѣловала руки его, и онѣ долго держалъ меня въ объашіяхъ своихъ. День прошелъ въ радости, но бапюшку близкая разлука съ любимымъ сыномъ, казалось, дѣлала печальнымъ, и онѣ часто смопрѣлъ съ умиленіемъ на меня и на брата, когда мы сидѣли другъ подлѣ друга.

На канунѣ разлуки я спояла у високаго окна съ Алессію, кошорый молча смопрѣлъ на море, изъ коего восходила блестящая луна. Восхищаясь величеспивеннымъ зрѣлищемъ, я съ живостію обрашлась и схватила обѣими руками его руку. Онѣ оглянулся; глаза его были наполнены слезами. Чшо ты, любезная Серена? спросилъ онѣ, пе-

чально улыбнувшись. Я теперь думала, что мы должны разлучиться, а такъ мало еще жили вмѣстѣ. Какъ счастливы другіе, коихъ младенчество прошло не такъ уединенно и одиноко; пріятныя воспоминанія онаго будущъ сопровождашь ихъ и въ заботахъ дѣятельной жизни. — Ты думаешь, что будущность насъ шѣснѣ соединитъ? Меня опзываетъ опасная жизнь; въ одну минушу воздымающаяся волна можетъ повергнушь меня подъ сѣверный ледъ, въ другую, подъ знойную линію. Какъ намъ пущъ увидѣться?... А куда лежишь *твой* пущъ, Серена? куда? — Я не понимала смысла словъ его; онъ печально смопрѣлъ на меня; я сказала умоляющимъ голосомъ: Не наводи мнѣ грусти, любезный Алессіо! Почему же намъ не свидѣться опять? не говори этого, опъ сего разлука сдѣлаешся для меня гореснѣе.

Едва выговорила я сіи слова, какъ

бапюшка выступилъ изъ за занавѣса и заключилъ насъ обоихъ въ свои объятія. О дѣти мои! сказалъ онъ съ великимъ движеніемъ; оплакивайше уединенную юность свою, но обвиняйше не меня, а судьбу! . . . Будемъ надѣяться на лучшую будущность! . . . Нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ въ безмолвіи, съ печальнымъ видомъ на меня, потомъ обратился къ брату: Куда пойдешь *ея* путь, Алессіо?... О! ежели бы только всѣхъ насъ пупи не коечили въ мракъ!—Онъ повелъ насъ обоихъ къ остальному обществу и щещно спарался развеселишья. Бапюшка! бапюшка! швое прорѣкапельное слово исполнилось, и съ шѣхъ поръ часто опзывалось въ душѣ моей.

На слѣдующее утро Алессіо рано опправился съ Мархезомъ. Мы всѣ сполли на морскомъ берегу и печально смотрѣли въ слѣдъ за быспро удаляющимся кораблемъ, пока онъ скрылся

опшъ взоровъ нашихъ за мысомъ Пелоро. Добрый, великодушный брашъ! я видѣла тебя въ послѣдній разъ, и надѣюсь тебя обнять въ лучшемъ мѣрѣ!

Видя башюшку оспающагося совершенно однимъ, я бросилась къ нему на шею и просила со слезами, не опускай меня опъ себя. Нѣшъ, дитя мое! —сказалъ онъ, отводя меня въ объятія Корнелии, смотрѣвшей съ участіемъ на насъ—нѣшъ, я не хочу разлучить тебя съ швоей машерью! Она соединилась со мною, чшобы уговорить его оспапаться по крайней мѣрѣ навсегда жить съ нами въ Кашани. Оспавьше меня уединенію! сказалъ онъ. Онъ не хотѣлъ сообщить своей печали нашему обществу: но только обѣщаніе его, посѣщать насъ чаще прежняго, могло ушѣшить меня въ разлукѣ.—Уже нѣсколько лѣтъ предъ симъ, башюшка принялъ къ себѣ спараго, бѣднаго сослуживца съ малолѣшнымъ сыномъ; ба-

шюшка хотѣлъ занялся въ уединеніи своемъ воспитаніемъ сего опкровеннаго мальчика, и любимыми науками, военнымъ искусствомъ и естественной исторіей.

Мы ожидали возвращенія Мархеца, когда онъ увѣдомилъ насъ, что опсущствіе его продолжился еще нѣсколько мѣсяцевъ, и просилъ супругу свою прѣхать къ нему, чптобы встрѣтитъ наступающую весну въ прелестномъ раю Неаполя. Мы потчасъ опправились, поттому чпто Корнелия теперь хотѣла исполнитъ давно питаемое желаніе, постѣпитъ восточные и западные берега нашего опечесства. Величеспвенные памятники древности, встрѣчаемые нами повсюду на семь пупи, побудили моего друга познать меня съ древней исторіей сей страны, чптобы развеселитъ печальный видъ разрушенія, находившійся предъ нами, картинами прежняго цвѣщущаго

соспомянія. Когда мы искали развалинь Сиракузы, или осматривали осматпки огромнаго храма Агригенпа, или съ удивленіемъ смотрѣли на великолѣпный храмъ Согласія; когда съ умиленіемъ прохаживались по почтеннымъ развалинамъ Селина, или когда посреди пустыни, на вершинѣ каменнаго утеса, показывались намъ величественныя руины Сегесты; тогда Корнелія съ вдохновеніемъ рассказывала, сколь велики и образованны были предки наши, и описывала пропекшее величіе прославляемой отчизны.

Попутный вѣтеръ перенесъ насъ черезъ море, по опплытіи изъ Палермы; въ вечеру слѣдующаго дня мы миновали дикіе, утесистые берега Капри, а утренняя заря заспала насъ въ Неапольской гавани.

Тотчасъ по прибытіи нашемъ, Мархезъ лишилъ меня надежды увидѣшь

Ч. III.

2

еще брата моего, рассказавъ, что Алесіо нѣсколько дней тому назадъ отправился съ своимъ полкомъ на оспровъ Эльбу. Дѣятельное предшательство Ормонделліево открыло ему путь, и основало блистательное счастье, до коего онъ въ послѣдствіи достигнулъ.

Пріятности мѣстоположенія сильно привлекали насъ; мы посѣтили достопримѣчательнѣйшія мѣста въ окрестности, а когда, на возвращномъ пути черезъ Калабрию, дѣла оспановили Мархеца въ Ласаль, Корнелія отправилась со мною въ Тарентъ и Оспраншу. Здѣсь жила одна изъ подругъ ея юности, превосходная женщина, тѣсно сопряженная дружбою съ Корнеліей. Она проводила насъ до западнаго берега, гдѣ пригошовлено было судно, долженствующее перевезти насъ въ Каріаши, гдѣ ожидалъ насъ Мархезъ. Прибывъ на зарѣ къ мысу Левка, Корнелія не долго заставила просить себя взойти на окружен-

ную облаками вершину онаго; мы достигли ее. Величественно колебалось пламенное изображеніе солнца, на пиховолнующемъ зеркалѣ водъ; уже шумань, скрывавшій опдаленности, рѣдѣлъ, и далеко на границѣ неизмѣримаго пространства гордые хребты горъ своими облачными главами привѣтствовали упреннее свѣпило. Пораженные до глубины души величественнымъ зрѣлищемъ, спояли мы безмолвно; вдругъ Корнелія, указывая на горы, воскликнула возвышеннымъ голосомъ: *Греція!*

Греція? спросила я, съ сверкающими опъ радости глазами, схватя руку Корнелія, попомъ просперши съ желаніемъ руки въ даль—я чувствовала, что, при одномъ семъ имени, что-то непоспцижимое наполнило душу мою воспоргомъ.

По возвращеніи нашемъ въ Сицилію, живѣйшее желаніе изучишь Греческій

языкъ овладѣло мною , и все споспѣшествовало удовольствованію онаго. Молодая дѣвица моихъ лѣтъ , жившая у родственника своего въ Капаніи , пользовалась уроками спараго , ученаго Грека изъ Салоники ; спараніемъ Корнелии , я присоединилась къ онымъ , и ревностнымъ прилѣжаніемъ скоро догнала прежде начавшую подругу. — Какое поржество было для меня , когда я въ первый разъ , при Корнелии , переводила изъ Гомера , изъ Софокла ! Какія наслажденія открылись для ума моего теперь когда я могла изъяснять исчезнувшіе звуки сладостнаго языка боговъ , и мнѣ на ономъ явственнѣе являлся блескъ древняго величія , и геройская сила духа ихъ .

Моя привязанность къ сему міру дѣлалась все искреннѣе и сильнѣе , и пѣтъмъ легче переходила въ шихую мечшательность , чѣмъ живѣе пробуждались поспепенно чувства въ юномъ

сердце моемъ. — Гдѣ я находила величіе души, коему удивлялась, гдѣ красоту, прельцавшую умъ чувства, памъ видѣла и доказательства чистѣйшаго благомыслія; и такъ, въ семь мѣръ все меня дружески привѣщивало, все благопворно возвышало духъ мой. О почему я не могла всегда такъ безвинно продолжати сію пріятную мечту — почему непріязненный духъ помрачилъ ясновѣсть, отправилъ невинность ея!

Съ сей опасной раздражительносью вступила я на осьмнадцатый годъ свой. Въ сіе время требовали, чтобы Мархезъ принялъ на себя экспро-ординарное посольство во Францію; пошому что ему совершенно извѣстны были дѣла, о коихъ должно вести переговоры. Корнелія не за долго передъ тѣмъ лишилась претяго дѣшяши своего, споль же рано, какъ и двухъ первыхъ: дабы разсѣяти печаль, пягопив-

шую сердце благородной мапери, мы съ нею должны были сопутшествовать Мархезу. Вскорѣ, пріятности счастливаго морскаго путешествія, переѣздъ чрезъ воспочную часнь Франціи, во время веселаго собиранія винограда, и видъ различной счастливой жизни, встрѣчающейсь намъ повсюду, возвратили душъ ея прежнее спокойствіе.

Мы попеременно находились въ Версалии и въ Парижѣ. Однажды гуляя съ своимъ другомъ въ Тюльерійскомъ саду, мы говорили о домашнихъ дѣлахъ, радовались скорому возвращенію, и занимаясь сей лестной надеждой, шли наконецъ молча по аллеѣ. Вдругъ услышали близь себя пріятное нарѣчіе Сициліи. Мы обглянулись, и увидѣли въ нѣсколькихъ шагахъ за нами прекраснаго юношу, разговаривающаго съ человекомъ по спарѣ его. Онъ намъ вѣжливо поклонился, потомъ подошелъ къ Корнелии и сказалъ по Сицилійскіи:

Извините, Синьора! что я, дабы удовлетворить проспительному любопытству, сдѣлалъ опытъ, коего удача меня споль пріятно награждаетъ. Миѣ показалось изъ дали, что я въ вашемъ разговорѣ различилъ нѣсколько звуковъ опечесивеннаго языка, и хотѣлъ увѣришься, не обмануло ли меня воображеніе. — Туть узнали мы, что незнакомецъ, соопечесивенникъ нашъ Принцъ Бонари.

Нѣсколько дней спустя у насъ было многочисленное общесиво, въ коемъ находились семейсва нѣсколькихъ Италійскихъ Посланниковъ; Принца также предспавили въ оное. Онъ показалъ себя въ разговорѣ съ Корнеліей, какъ шонкій, образованный человекъ; но она еще была въ сомнѣніи, что пріятная опкровѣнность его, обнаруживаеетъ ли благородную самоспошпельную душу, или она еспь слѣдспвіе необузданной жизни въ безнравспвенной сполицѣ.

Онъ разсказалъ намъ , что уже болѣе года живетъ въ Парижѣ , что скоро отправится въ Испанію и Англію , и едва ли прежде двухъ лѣтъ возвратится въ опечесство свое. Ахъ ! ежели бы онъ никогдатуда не возвращался ! ежели бы судьба въ сіи пагубныя минуты на всегда удалила меня отъ взоровъ его !

Я его болѣе не видала , попому что мы на той же недѣлѣ оставили Францію , но образъ его еще не исчезъ изъ сердца моего , когда мы возвратились на берега Сициліи . Онъ бы исчезъ , ежели бы враждебный рокъ не опредѣлилъ погубить меня . Тотчасъ по возвращеніи нашемъ , мы проводили Мархеца до Мессины , ему должно было ѣхать въ Неаполь , а мы , возвращаясь въ Кашанію , хотѣли своропитъ съ дороги , дабы обозрѣть живописные берега рѣки Адерно . Уединенно бродила я съ Корнеліей между произведеніями

сей превосходной природы; мы взошли къ часовнѣ, возвышающейся надъ большимъ водопадомъ, и смотрѣли на богатую каршину сію. Мы удивлялись и безмолствовали. Потомъ обернулись къ другой сторонѣ. — Принцъ Бонари споллъ подлѣ насъ. Не пугайтесь! сказалъ онъ, замѣтя наше удивленіе, не мните видѣть духъ мой, который конечно также бы парилъ около васъ, ежели бы я былъ и споль далекъ отъ васъ, какъ шеперь близокъ къ вамъ. — Я почти гошова подозрѣвашъ что нибудь подобное, сказала Корнедія улыбаясь, по крайней мѣрѣ вы должны были пролетѣть Испанію и Англию съ скоростію, свойственною однимъ духамъ. — Знаю, Синьора, возразилъ онъ, что я заслуживаю упрекъ въ непоспоянствѣ и перемѣнчивости; но вы въ Парижѣ споль живо напомнили мнѣ образъ любезнаго опечесства, что меня объяла непреоборимая шоска по родинѣ. — Принцъ имѣлъ въ сей странѣ

замокъ, въ коемъ обиталъ по возвращеніи изъ Франціи; онъ проводилъ насъ до мѣста, гдѣ спояла кареша наша и при прощаніи сказала, что скоро надѣется видѣшь насъ въ Капаніи.

Едва я могла скрыть движеніе, произходившее во мнѣ при семъ нечаянномъ свиданіи. Каждая дѣвушка, когда чувствва ея пробуждаются, составляетъ себѣ идеаль любимаго человека, идеаль прекрасной мужеспвенности. Мы бы не оплакивали обмановъ, ежели бы всегда болѣе възвыщали сей благородный образъ; но скоро обманутое сердце его легковѣрно унижаешъ. Уже въ Парижѣ смопрѣла я на Принца съ приспрасптіемъ, ибо шонкое вниманіе, кошорое оказывалъ онъ мнѣ, въ большомъ кругу прекрасныхъ, образованныхъ женщинъ, льстило мнѣ; мысль видѣшь его не прежде двухъ лѣтъ, можешъ бышь никогда не видѣшь, одѣдала меня споль печальною на воз-

вращномъ пуши, что Корнелія сіе замѣшила. Въ первыйъ разъ въ жизни скрыла я отъ нее, что происходило въ моемъ сердцѣ — но я и сама того не знала.

Нѣсколько времени спустя, мы сидѣли на галлерей замка, наслаждаясь видомъ пространный, вечернимъ солнцемъ освѣщенной страны, какъ нечаянно подъѣхала кареша Мархеца, сопровождаемая Принцемъ и нѣсколькими всадниками. Мархеца вынимали изъ карешы, когда мы, побуждаемыя боязливымъ предчувствіемъ, спѣшили въ низъ. Разбойники напали на Ормонделли, по ту сторону Низы, въ пустынномъ гористомъ мѣстѣ; не взирая на превосходство силъ, Мархезъ съ сопровождающими его сильно сопротивляется, раненъ и упадаетъ на землю; въ сію минуту Принцъ съ своими людьми прискакалъ и избавилъ его изъ рукъ изверговъ.—Рана была не опасна, черезъ нѣ-

сколько часовъ Мархезъ опять оправился и, обнявъ своего избавителя, благодарилъ его въ живѣйшихъ выраженіяхъ.

Сіе произшествіе соединило Ормонделли и Принца пѣснѣйшимъ образомъ. Послѣдній имѣлъ въ нѣсколькихъ миляхъ замокъ, гдѣ хопѣлъ провести наступающее лѣто, и съ этого дня былъ почти всегда у насъ. Съ каждымъ посѣщеніемъ Корнелія также уважала его болѣе и болѣе; ибо онъ споль же хорошо умѣлъ развеселять легкой и веселой бесѣдой, какъ и выславлялъ въ важномъ поучительномъ разговорѣ богатство своего ума и благородство мыслей... Могла ли я одна оспашься кладною къ уважаемому человѣку, ко-
ему всѣ удивлялись? Ахъ! спрасилъ я
тѣмъ сильнѣе вкоренялась въ мое
сердце, чѣмъ яснѣе Принцъ обнару-
живалъ предо мною соспояніе своего сер-
дца. Онъ говорилъ еще шолько взорами,

робкими намеками, коихъ лестный смыслъ сердце мое очень хорошо понимало. Я не чувствовала сколь тайно и вѣрно сладкая оправа проникала въ сердце, дабы разрушилъ его спокойствіе.

Однажды прудилась я спокойно, въ комнатѣ Корнеліи, надъ переводомъ Эдипа въ Колонѣ, котораго пребывалъ отецъ мой; писала нѣсколько справницъ, потомъ прочитывала ихъ Корнеліи, коей вѣрный вкусъ легко замѣчалъ каждую ошибку въ выраженіи. Принцъ неожиданно вошелъ, и я послѣшно положила къ споронѣ книгу и бумаги. — Не продолжите ли вы свое занятіе, въ коемъ я вамъ по несчастію помѣшалъ? сказалъ онъ мнѣ, послѣ перваго привѣщевія. Могу ли, по крайней мѣрѣ узнать предметъ онаго? — Вы читаете по Гречески? спросилъ онъ съ изумленіемъ, открывъ Софокла. Я не удивляюсь, находя въ васъ непре-

спанно новыя совершенства; но гоповъ сердисься на васъ за то, что вы споль корышполюбиво скрываете свои сокровища, и не хощите доставить друзьямъ своимъ пріятное зрѣлище оныхъ. — Въ эпомъ вы должны обвинять свой полъ! прервала Корнелія. Ежели мы, для удовлешворенія какой либо умшвенной пошребности, прешушаемъ предѣлъ обыкновеннаго, то должны шщасельно избѣгать гласности, чтобы не бышь названными учеными женщинами. . . Конечно правда, что образование мужа гордо вызываешъ весь свѣтъ въ свидѣтели, но женщины, по сущешву своему и по опредѣленію, должны заключать свое образование въ шѣсныхъ предѣлахъ домашней жизни; онѣ не должны упошреблять орудіями шщеславія, шщасельно во мелѣянныи паланшы — но спрогте господа не ограничивающъ симъ своихъ упрековъ.

Нашъ разговоръ быль прерванъ мно-

гочисленнымъ обществомъ , прибывшимъ изъ Капаніи, которое, разсыясь послѣ между деревьями въ саду, наслаждалось вечерней прохладой. Я пришла въ нѣкоторое замѣшательство , принимая , что Принцъ спарается улучшить разговоръ со мною наединѣ , и потому крѣпче держала руки двухъ дѣвицъ, прогуливавшихся со мною. Наконецъ мы остановились въ темномъ уединенномъ мѣстѣ , гдѣ подѣ стѣбно нависшихъ лавровъ сѣли на дерновую скамью, окруженную съ обѣихъ сторонъ розовыми и миршовыми кустами; пріятные звуки-музыки, находящейся посреди сада, неслись къ намъ по шиховолнуемому воздуху, подобно опдаленнымъ эфирнымъ голосамъ. Въ задумчивости срывали мы вѣтви и цвѣтши, распространявшіе вокругъ насъ благоуханіе, и соплепали изъ нихъ вѣнки ; подруги мои соединили розы и миршы , мой вѣнокъ былъ изъ лавра. Звуки нѣжной пѣсни насъ такъ очаро-

вали, что мы не замѣтили приближенія Принца, пока онъ предъ нами оспановился. Тише! тише! сказалъ онъ, видя, что явленіе его насъ вспревожило, и схватилъ руку мою съ легкимъ пожатіемъ, попомъ бросился передъ нами на правую, и вслушивался въ пріятные звуки. Когда они умолкли, то онъ сказалъ: Вы едва ли могли бы избрать прекраснѣйшее мѣсто для отдохновенія какъ сіе, которое природа такъ значительнo украсила. . . Но вы избрали только важный, величественный лавръ? продолжалъ онъ, схвативъ мой вѣнокъ. ужели вы совершенно презираете нѣжныя эмблемы красоты и любви? прибавимъ эту миршовую вѣшву и сіи распусшившіяся розы къ гибкой лавровой вѣшви. Такъ!—И прежде нежели я могла оборониться, онъ надѣлъ мнѣ на голову густой вѣнокъ. Лавръ неохотно обвивается около женской головы, онъ ищетъ геройскаго чела—сказала я, снимая съ головы вѣнокъ и

положа его на свои колѣна. Онъ вообще ищепть возвышеннаго ума! возразилъ Бонари.

Я еще не могу забыть пріятнаго удивленія, ожидавшаго меня при моемъ прибытіи, сказалъ онъ послѣ, когда мы передъ расшаваньемъ оспались на нѣсколько минутъ одни. Я знаю только одно открытіе, которое бы мнѣ было пріятнѣе того, что вамъ знакомо языкъ Греціи, что вы породнились съ Греческой Мудростію и Искусствами. — Вы меня почти принуждаете, прервала я, прибавить къ замѣчанію Мархезы, что мушьякъ едва прощають, когда онъ не всѣ свои способности обрабатываетъ, а напропивъ женщинъ вмѣняютъ въ столь великую заслугу, когда она почувствуетъ необходимость распространить пѣсенный кругъ обыкновеннаго. — Вамъ это конечно должно казаться спраннымъ, возразилъ онъ, но не всѣмъ кажется шакowymъ, по-

тому что не всё столько распространяюшь сей кругъ во всё спорены. . . Я замѣнилъ, что вы коротко знакомы съ пвореніями Софокла, продолжалъ онъ помолчавъ, онъ кажется быль вашимъ любимцемъ?—Посль Гомера онъ уже давно любезенъ мнѣ.—Онъ конечно заслуживаетъ сіе лестное преимущество, сказалъ Принцъ, въ разсужденіи опличнаго совершенства и числѣйшихъ формъ цѣлаго; но для того, не опврацайте совсѣмъ взоровъ своихъ оупъ любимаго моего Эврипида. Между шѣмъ, какъ я опвѣчала, что сего спихопворца почти совсѣмъ не знаю, Мархезъ и Корнелія подошли къ намъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Бонари оупякъ пришелъ къ намъ. Примите благосклонно моего любимца! сказалъ онъ подавая мнѣ свершокъ бумагы. Я заспавляю его говорить на моемъ языкѣ, чтобы вы могли судить о еемъ опытѣ. — Это былъ переводъ

Алцеспы, на лучшемъ Тосканскомъ языкѣ. Со-вкусомъ и чувствомъ прочелъ онъ мнѣ и Корнеліи нѣкопорыя изъ превосходнѣйшихъ мѣстъ, — а потомъ говорилъ о славѣ и искусствахъ Греціи съ такимъ воспоргомъ, копорый и меня воспламенилъ. Паспъ на колѣна на сей священной землѣ, вскричалъ онъ наконецъ съ сверкающими глазами, посмошрѣвъ на сіе ясное небо, дѣйствовавшее споль живопворно на прекрасный мужеспвенный народъ— вопъ чшо было всегда пламеннымъ желаніемъ юнаго ума моего!

Сія общая намъ привязанность къ великому предмету, — какою пищею сдѣлалась она для возрасшающей спраспи! коликъ возвысилась живость и дѣятельность моего воображенія симъ согласіемъ съ сладчайшими шайными чувствами сердца моего! Когда шеперь мечшательный умъ мой скишался подъ прекраснымъ небомъ Греціи, повсюду

встрѣчался ему любезный образъ, раздѣлялъ съ нимъ удивленіе и восторгъ — и непримѣтно перьялся онъ въ мечтахъ желанія.

Принцъ не упускалъ усиливать сіе вліяніе. Его ученое образованіе подавало ему часто случай распространять мои понятія о древности, и придавать новыя прелести моему къ ней; онъ сообщалъ мнѣ многіе отрывки, въ коихъ сей предметъ описывался съ непреодолимой силой и жаромъ. Почти при каждомъ посѣщеніи приносилъ онъ мнѣ подарки сего рода, и сколь часто должны они были служить предлогомъ посѣщенію или разговору! Такъ ежедневно укрѣплялся между нами союзъ довѣренности, который и со стороны Принца казался быть столь же невиннымъ и благороднымъ. Онъ все еще только слегка осмѣливался показывать любовь свою, а довѣренность, дѣлавшая меня столь счаст-

ливою, удаляла всякое опасеніе опъ меня.—О для чего помрачено воспоминаніе сихъ пріятныхъ часовъ! Для чего должна я обвиняшь ихъ, какъ развращителей невиннаго сердца моего!

Въ сіи счастливые дни чувствовала я себя вдохновенною къ поѣ пѣсни (*), которую ты такъ полюбилъ, Базилідъ, копорой я тебя научила, Геліодора! и копорая наполняла глаза мои слезами, когда я ее тебѣ пѣвала на нашемъ холмѣ подъ развалинами храма.— Я старалась выразить голосъ на сію пѣснь, какъ онъ раздавался въ душѣ моей, и сидѣла одна съ своей люпней въ бѣседкѣ сада, пѣсно окруженной яворами и кипарисами, она находилась у ручейка, копорый, низвергаясь со скалъ, перялся здѣсь въ шихое озеро. Уже смеркалось когда Принцъ меня шущъ заспалъ. Онъ еще не зналъ

(*) Часть I-я, справца 41.

сей пѣсни, и просилъ меня проиграть ее. Попомъ мы нѣсколько минулъ мечпали о желаніи своемъ видѣть Грецію. — Сумракъ слабѣе проникалъ въ опкрышыя окна, а шумъ водопада громче раздавался въ тиши ночной. Принцъ сидѣлъ безмолвно возлѣ меня; его взоры искали моихъ. Пріятное безпокойство спѣсняло грудь мою, сердце лилось скорѣе, рука моя содрогнулась, когда онъ ее нѣжно схватилъ. Мои желанія, сказалъ онъ пожимая ее, мои желанія теперь уже не простираются въ неизмѣримую даль; они всѣ ограничиваются въ шѣсномъ пространствѣ, гдѣ я дышу — и однако споль велики и прекрасны! . . Пойдемше къ Корнелии, сказала я вспавая шрепещущимъ голосомъ, я уже давно передъ вашимъ прибытіемъ здѣсь. — Серена, не убѣгайше меня! вскричалъ онъ съ умиленіемъ; не убѣгайше меня въ сей рѣшительный часъ! и упалъ къ ногамъ моимъ. Нѣтъ, я уже не могу скры-

вашъ чувствъ моихъ! не могу долѣе
спрадать въ молчаніи! . . . Тупъ оп-
крылъ онъ мнѣ любовь свою такъ нѣ-
жно, такъ пламенно. Ахъ! могла ли я
сохранить молчаніе при его убѣди-
тельныхъ вопросахъ, коимъ во всѣхъ
изгибахъ моего сердца отвѣчали со-
гласныя чувства! Онъ поклялся мнѣ
въ вѣчной любви, а я сдѣлала ему
обѣщаніе вѣрности, которую мое сердце
уже давно посвящало ему.—Бонари не
пошелъ со мною къ обществу; онъ на-
ялъ загородный домъ, чѣмъ бытъ
ближе ко мнѣ, и чрезъ близлѣжащую
лавровую рощу прокрался къ намъ въ
садъ. Онъ испоргъ у меня обѣщаніе
увидѣться опяшь съ нимъ на другой
день; и съ сего вечера я всегда спѣ-
шила сюда къ нему на встрѣчу.

Корнелія замѣтила признаки, кои
измѣняли сердцу моему, замѣшатель-
ство мое въ присутствіи Принца и
печаль въ отсутствіи его; но какъ

Бонари имѣлъ слишкомъ много ловкости и власти надъ собою, чѣобы измѣнишь себѣ въ ея присущствіи, по она почитала, чѣо шайная, безнадежная любовь снѣдаетъ меня. Однажды, когда я въ задумчивости молча сидѣла возлѣ нее, она сказала мнѣ съ видомъ нѣжнаго участія: Серена! я вижу, чѣо происходитъ въ сердцѣ швоемъ. Ежели ты не хочешь повѣрить другу спрданія свои, по послушайся хоть одного совѣша — сохрани спокойствіе свое! Будь тверда, Серена! не забывай, чѣмъ ты обязана своему достоинству, сколько бы велики ни были мученія опвергнушаго сердца твоего! — Щеки мои пылали; безмолвно поверглась я въ опверзшыя обѣщанія сей благородной женщины, которая меня съ чувствомъ прижала къ своему сердцу. Не знаю какой враждебный духъ овладѣлъ въ сію минуту моимъ сердцемъ, чѣо оно не опкрылось сему маперинскому другу? Ахъ! когда однажды измѣнишь довѣрен-

ности дружбы, по обыкновенно недоспойный стыдъ удерживаетъ насъ загладитъ сію вину опкровеннымъ признаніемъ.

Корнелія поступала сообразно сему предположенію ; когда Принцъ былъ у насъ, по она не покидала меня, и спаралась заводитъ веселый, равнодушный разговоръ ; она даже побудила Мархеца упроситъ Принца сопустешвовашъ ему въ Калабрію ; и еще внимательнѣе прежняго примѣчала за нимъ, но не могла проникнуть оболочки спокойствія и равнодушія. — Мнѣ самой сіе спокойствіе часно казалось неповяпнымъ, когда сравнила его съ своимъ замѣшательствомъ, нѣсколько разъ дѣлала я ему въ помъ упреки, но онъ легко умѣлъ успокоивашъ меня вѣжнымъ краснорѣчіемъ.

Какую мучительную поску приговвила мнѣ Корнелія, когда надѣялась

облегчишь мои страданія! Сколь ужасно продолжишельною показалась мнѣ недѣля его отсутствія! наконецъ, въ вечеру знойнаго дня, въ Августѣ мѣсяцѣ, мы съ галереи замка увидѣли приспавшую къ берегу фелукку Мархеца. Принцъ, коего домъ находился ближе къ берегу, поклонился намъ издали; Ормонделли прибывъ сказалъ, что онъ насъ завтра поѣтитъ. Сердце мое чувствовало, что я его прежде увижу, и какъ скоро Корнелія удалилась въ спальню свою, я сошла въ садъ, я полетѣла къ лавровой роцѣ, прислушиваясь съ біющимъ сердцемъ, не услышу ли поспѣшныхъ шаговъ возлюбленнаго. Но не слышно было ни малѣйшаго шороха въ глубокой тишинѣ.

Идучи по густо заросшей дорожкѣ къ бесѣдкѣ, горесть обманутой надежды и нѣжныя устрашающія спасенія смѣнялись въ душѣ моей. Вѣяніе

пихаго въперка, несущаго на крыльяхъ своихъ бальзамическое благоуханіе цвѣшовъ и кусшарниковъ, и пріятныя воспоминанія, объявшія меня нѣжнымъ шрепешомъ при входѣ въ темную бесѣдку — все соединилось, чтобы сіи прошивуборспвующія чувства преворипшь во вздохъ любви. Невольно испорглось изъ успъ моихъ имя возлюбленнаго. . . Тихо опвѣспшвоваль мнѣ голось его, и я поверглась къ бьющемуся сердцу его; онъ обнялъ меня. Ему должно было споль многое мнѣ разсказать; я шакъ много спрадала въ равлукъ; никогда еще не видала я его шакъ воспламененнымъ нѣжной, искренней любовью, и никогда споль живо не чувспшвовала всю силу своей любви. Беззаботно лежала я на груди его, беззаботно опвѣспшвовала его поцѣлуямъ, и не чувспшвовала сколько опасно увлекалась волнами льспшвшихъ мнѣ чувспшь, какъ посшепенно сила и присущствіе духа упопали въ льспшвшей волнѣ.

Вдругъ пѣніе Корнеліи пробудило меня изъ сего упоенія. Я испорглась изъ объятій Принца, побѣжала, и съ прелепомъ поверглась предъ дверью бесѣдки. Окна Корнеліи, копорыя были обращены на сію часть сада, были отворены, и я слышала чистый, нѣжный голосъ своего друга. Она пѣла съ акомпанированіемъ арфы любимую пѣснь свою, пріятные мирные стихи, въ коихъ слова и голосъ соединялись, чшобы укропить всякую бурю сердца. — Бонари послѣдовалъ за мною. Я вѣскольکو успокоилась, и сказала важнымъ голосомъ: Оспавъше меня, Цинціо! Мы уже никогда не должны здѣсь видѣться. Какъ можеше вы увѣряшь меня въ любви своей, когда споль мало дорожите спокойспвіемъ моего сердца! Сказавъ сіи слова, я поспѣшно удалась въ свою комнату и въ безпокойспвѣ ходила по оной въ задъ и въ передъ, пока солнце освѣшило мои глаза, не освѣживщіеся сномъ. Одна изъ мо-

ихъ пріятельницъ, пріѣхавшая къ намъ съ своею матерью, пригласила меня сдѣлать путешесствіе для увеселенія нашего, удалившее меня на нѣсколько дней отъ Капаніи. — Въ первый и во второй вечеръ по возвращеніи моемъ, я не ходила въ садъ, а въ шрешій получила сія спроки.

Сердца благородныхъ людей легко прощаютъ—говоритъ вашъ другъ, и мой (*), и я знаю, что вы оправдаете его изрѣченіе. Въ чемъ я виновенъ, что вы споль жестоко наказываете? Или любовь, пламенная любовь есть преступленіе, Серена?... Умоляю васъ — ежели уже не смѣю сказать нашей любовью! — то умоляю васъ нашимъ пріятнымъ прошедшимъ! не заставьте меня и сегодня тщетно ожидать васъ! Повидайтесь со

(*) Гомеръ.

мною, выслушайте меня, прежде нежели произнесете приговоръ!

Сколь драгоценны минуны примиренія, когда любить! сколь быспро пропекаюпъ онъ для счастливыхъ! Цинтію, послѣ нѣсколькихъ минушъ безмолвія, упалъ къ ногамъ моимъ. Серена! произнесъ онъ съ умиленіемъ, рѣши мое благополучіе въ сей блаженный часъ! Хочешь ли пы бытъ совершенно моею — сдѣлапъся моею женою, хочешь ли сдѣлапъся ею вскорѣ? Ввѣримся Корнеліи и Опцу моему! сказала я пихо, упадал въ его объятія. — О я бы уже давно охопно ввѣрился симъ благороднымъ сущеспвамъ, вскричалъ Цинтію, но жестокая судьба принуждаетъ меня скрывать сіи сладоспныя чувсшва въ своемъ сердцѣ. Я давно ожидалъ сей минуны, выслушай меня! Ты знаешь, опець мой никогда не согласился на союзъ съ пвоимъ семействомъ; тебѣ извѣстны несчастныя об-

спояшельства; честолюбіе его назначило мнѣ иное поприще... Ты должна тайно сдѣлаться моею! — Нѣтъ, не пайно! возразила я въ безпокойствѣ. Пусть лучше будемъ перепѣть, будемъ спрадась, доколь можно будемъ явно признаваться въ чувстввахъ, въ коихъ ни копорый изъ насъ не долженъ краснѣть. Нѣтъ, Цинціо, не пайно! — Тупъ онъ мнѣ живо предсавлялъ, что опецъ его уже въ весьма преклонныхъ лѣсахъ, что мои родственники никогда не будутъ прошивупоставлять зашрудненія нашему соединенію. Для чего же намъ проводить въ горести пріятное время юности, для чего спрадась, когда счастье намъ столь близко? и скажи мнѣ, чего же будемъ недосавать сему счастью? Ничего, кромѣ того, что мы одни будемъ знать его великость, его блаженство. Нѣтъ, Цинціо! возразила я; ежели союзъ свой со мною воспрещишь себѣ вступишь въ какой либо кругъ, гдѣ

ты можешь произвести великое и благое, по забудь меня, оставь меня одну спряться... И ты для этого готов прервать союзъ нашъ? прервалъ онъ. Для сего разлучишься со мною? Какой кругъ дѣятельности можешь быть совершенно закрыть для меня, что воспрепятствуетъ мнѣ домогаться великаго и благаго—по что я однажды не уважилъ предразсудка? Посовѣтуемся съ сердцемъ и чувствами; они покажутъ намъ путь, съ коего насъ совертитъ хладное умствование. — Такъ продолжалъ онъ опровергать мое сопровождение, но не могъ побѣдить онаго. —

Прежде-нежели приближусь къ мрачнѣйшему періоду жизни моеѣ, хочу обратишь взоръ на раннее время. Такой характеръ, каковымъ я описала отца моего, долженъ былъ часно находить прешкновения, а гдѣ оныя находилъ, то разрушалъ ихъ. Часно былъ онъ злобно непознаваемъ низкими,

слабоумными людьми, кои не могли постигнуть возвышеннаго духа его, былъ ими приписываемъ и опечерняемъ; много огорченій причиняла ему мужественная ревность его, копорая часпо была раздражаема въ моемъ опечеснвѣ, гдѣ рѣдко показывались искры просвѣщенныхъ умовъ. Такъ возбудилъ онъ рано противъ себя сильныхъ враговъ, кои пропивупоспавляли ему препяпспвѣя повсюду, гдѣ онъ, исполненный охоты и побужденія къ дѣятельности, хотѣлъ опкрыть себя пушь; къ сему присоединилось новое общоящельство, копорое лишило его навсегда надежды дѣйствовать для блага опечеснва. Еще въ молодыхъ лѣтахъ служивъ волонперомъ въ Французскомъ войскѣ, сдѣлалъ онъ нѣсколько походовъ, и подружился съ молодымъ дворяниномъ изъ Венеціи, служившимъ въ одномъ полку съ нимъ. Сей послѣдній, дабы избѣжать законовъ своего опечеснва, воспрещавшихъ ему слу-

жишь чужимъ державамъ , принялъ подложное имя, и открылъ сію шайну отцу моему; ибо они были шѣсно сопряжены узами брашсва, одинакими мнѣніями и образомъ мыслей. Когда миръ ихъ разлучилъ, то онъ предпринялъ продолжительное путешествіе, и бапюшка не прежде получилъ извѣстіе объ немъ, какъ уже нѣскольکو лѣтъ послѣ смерти первой супруги своей. — Имя Паоли раздалось въ Корсикѣ. Другъ отца моего писалъ ему отсюда, что онъ уже слѣдуетъ знаменамъ сего Героя; теперь ничто уже не могло удержать бапюшку, коему бездѣйственное спокойствіе было мучительно, и который давно питалъ сію мысль съ пылкостью, свойственной его характеру. Посреди воинскаго шума, удержавшаго его почти три года въ Корсикѣ, нашелъ онъ тамъ Ангела мира, нашелъ мать мою; она была дочь стараго дворянина, въ замкѣ коего лежалъ онъ тяжело ра-

ненный. Нѣсколько мѣсяцевъ по выздоровленіи, повезъ онъ ее съ собою въ опечесшво свое, гдѣ въ сіе время враги его не переспавали представляя съ самой невыгодной стороны пребываніе его на возмущенномъ островѣ. Но въ общесшвѣ сей крошкой жены онъ легко забывалъ, что свѣтъ въ немъ ошибался, и различнымъ образомъ разсѣянный духъ его пріобрѣлъ бы наконецъ спокойствіе, ежели бы сей счастливый союзъ не былъ столь скоро распоргнутъ. — Отецъ Бонарія, одинъ изъ первѣйшихъ при дворѣ, гордый, суровый чловѣкъ, шѣснаго, предразсудками исполненнаго ума, никогда бы не согласился на союзъ сына своего со мною, хотя бы и не былъ столь жестокой врагъ моему ошцу; ибо наше сосшояніе было слишкомъ ограничено для его честолюбивыхъ видовъ.

Почти недѣля пропелка съ шого ве-

чѣра, въ которъй Цинпіо сдѣлалъ мнѣ сіе непріятное предложеніе, повпоряемое съ большимъ краснорѣчіемъ при каждомъ свиданіи. Можно вообразить какъ я колебалась. О! сколь легко можно побѣдить насъ, когда въ нашемъ сердцѣ соопвѣшсвуепть измѣнническое чувство! сколь слабы мы, когда должны спрошивляться предмету тайнаго желанія!—Серена, можешь ли ты въ самомъ дѣлѣ желашь, чѣобы опецъ швой, чѣобы великодушная Корнелія споспѣшесшвовали тайному союзу нашему? спросилъ Цинпіо. Могутъ ли они эшо сдѣлать? — Я чувспвовала, чѣо онъ правъ.—А чѣо можетъ оспановитъ насъ? продолжалъ онъ съ жаромъ. Намъ любовь даровала свободу; гдѣ она господспвуепть, гдѣ соединепть сердца, тамъ всѣ оковы разрѣшающся.

Сражаясь съ приманчивымъ желаніемъ, которое любезный мой, такимъ образомъ, спарался воспламеняшь,

и съ упреками совѣспи, кои уже не споль часпо и сильно овладѣвали сомнѣвающимся сердцемъ моимъ, прохаживалась я однимъ вечеромъ въ безпокойствѣ по саду, въ шо время какъ Цинціо обыкновенно прихаживаль. Уже всѣ огни въ замкѣ были пошущены, глубокое безмолвіе царствовало въ окрестныхъ долинахъ; шупъ появился Принць, въ великомъ волненіи бросился онъ предо мною на колѣна, и умоляль неопшсупнѣе, нежели когда либо, послѣдовать шеперь за нимъ. Я шрепешала, колебалась. Все гопово къ совершенію нашего благополучія! вскричалъ онъ вскочивъ, накинულъ на меня плащъ свой, надвинулъ на глаза шляпу съ перьями, и обхвапая меня, спѣшилъ черезъ лѣсъ. — На межѣ онаго я чувствовала себя ошпановленною, какъ бы невидимою рукою; нѣсколько минушь ешояла я и смопрѣла назадъ на жилище, гдѣ прошекло счастливое младенчешво мое. . . Ахъ! я не должна

возвращишься въ него безвинною. — Потомъ посмотрѣла на звѣзду любви, копорая во всѣмъ блескѣ являлась на небѣ, мгновенно налетѣла черная шу-ча и скрыла свѣтлую звѣзду. О Цин-пио! сказала я, видишь ли? звѣзда любви скрывается!

Пойдемъ! пойдемъ! сказалъ Принцъ, видя мое смущеніе; я послѣдовала скорому влеченію руки его, и мы прибыли къ его загородному дому, стоящему на морскомъ берегу. Входя онъ сказалъ, что удалилъ всѣхъ служителей своихъ, что ипайна будетъ непроницаема, доколѣ мы сами ее обнаружимъ. Съ трепешомъ слѣдовала я за нимъ по темнымъ комнашамъ до маленькой часовни, гдѣ на простомъ олтарѣ ярко горѣли свѣчи. Почтенный священникъ, съ сребровласой головою, подошелъ къ олтарю, у ногъ его произнесла я злосчастный обѣщъ. Онъ проводилъ меня въ ближній кабинетъ, гдѣ

я, объяшала горестными чувствами, упала на софу; едва слышала его красно-рѣчивое поздравленіе, и только по удаленіи его льстивыя слова Цинтія вывели меня изъ моихъ мечпаній.

Уже ночные шѣни исчезали, когда онъ проводилъ меня до входа въ лавровую рощу. Я ожидала явленія упренней зари прежде нежели рѣшилась итти въ свою комнату, предаваясь впечатлѣніямъ, колебавшимъ грудь мою. Мысль, быль неразрывно соединенною съ любезнымъ мнѣ человекомъ, наполняла душу мою воспоргомъ, но какая по грусть помрачала оный — радость моя была какъ улыбка сквозь слезы. Машеринскій другъ, благородная Корнелія! ежели бы ты могла чашать въ сіи минуты въ моемъ сердцѣ, ежели бы могла видѣть, какія мученія его терзали, какъ я на упрое была въ своихъ объяшаніяхъ. Это были не спрданія безнадежной любви, но горесть и

спыдь , что обманула себя , можетъ бытъ , и успрашающее предчувствіе , которое столь шагосшно удручало шво- его друга !

Я вѣрила ему неограниченно. Да въ шебѣ истина , писала я ему не за долго передъ шѣмъ , или ее нѣтъ ни въ одномъ мужескомъ сердцѣ ; и я бы не перенесла горести , ежели бы шобою была принуждена къ сему пагубному признанію. — (*) Ахъ ! я должна была испышашъ сію горестъ , перенести не- сказанное мученіе сіе !

Быспро промчался мѣсяць въ сей обманчивой мечпѣ. Цинпію былъ все пошъ же спраспный , нѣжный другъ ; но я часшо замѣчала , что онъ съ прудомъ скрывалъ безпокойныя движенія , когда я въ счастливые часы говорила о счастливѣйшихъ дняхъ будущности.

(*) Часть I-я, страница 160.

Я была слишком увѣрена въ немъ, а онъ умѣлъ такъ скоро превозмогать себя, что я не возимѣла никакого подозрѣнiя. — Однажды показалъ онъ мнѣ письмо отца своего, который его поспѣшно призывалъ въ Неаполь, для принятiя должности, которую Король ему назначилъ. Болѣзнь Мархеца, спановившаяся съ каждымъ днемъ опаснѣе, остановила отпѣздъ Принца, доколь смерть похишила сего благороднаго челоуѣка у супруги, носившей залогъ его любви подъ сердцемъ. — Нѣсколько дней спустя, Принцъ остановилъ насъ, утѣшая меня надеждою скораго свиданiя и возобновивъ клятву вѣчной любви. Корнелiя была очень занята собственною горестiю, чтобы замѣшить мою печаль, или думала видѣшь въ ней болѣе соучастiе съ ея горестiю, нежели выраженiе собственного спраданiя; ибо я во время счастливой любви не столь часто показывала печальнаго расположенiя духа.

Дни, недѣли пропекали медленно, а я не получала извѣстїи опть любезнаго. Случилось ли съ нимъ несчастїе? или любовь его охладѣла? — Онъ не могъ раздѣлять сердечной радости моей, о томъ что надежда сдѣлалась матерью таинственно возвѣстїилась мнѣ. . . Сїя надежда сдѣлалась dospoвѣрною, а возлюбленный все еще молчалъ. Тупъ я утѣшилась, и съ довѣренностїю бросилась въ объятїя Корнелїи. Сколь доброю явилась благородная женщина сїя, сколь снисходительно поступила съ моей слабостїю, какъ великодушно простила обидѣвшаго ее друга! Она спаралась ободрить меня, просила уважить желанїе Принца, не писать къ нему прежде, нежели получу письмо опть него. Ты можешь довѣрять ему, но положенїе его требуетъ оспорожности. Кто знаетъ? можетъ быть оно таково, что не позволяешь написать и нѣсколькихъ словъ для успокоенїя и утѣшенїя своего. Мы должны сохранить тайну.

Я также не хопѣла скриваться отъ башюшки, и мы положили посѣтить его, какъ вечеромъ, на канунъ назначеннаго для отпѣзда дня, блѣдный, скудно одѣтый мальчикъ пришелъ въ замокъ, и прѣбавалъ поговорить наединѣ съ Корнеліей. Онъ сказалъ, что старшій, больной человекъ приказалъ просить ее къ себѣ, желая ввѣрить ей весьма важное дѣло. — Я должна сопровождать ее. Мы послѣдовали за мальчикомъ, который привелъ насъ къ бѣдной хижинѣ въ отдаленномъ переулкѣ. Согбенная старушка отворила намъ дверь въ маленькую комнату, гдѣ въ креслахъ сидѣлъ слабый старецъ, окруженный дѣтьми. Я съ перваго взгляда мнила узнать въ немъ священника, соединившаго меня съ Цинціо. Онъ приказалъ всѣмъ предстоящимъ удалиться, и пошомъ сказалъ слабымъ голосомъ: Узнаете ли вы меня, Синьора? Простите ли мнѣ участіе въ ужасной обидѣ, причиненной вамъ?

Ахъ! ежелибы вы знали въ какое опчаянiе повергла меня нищета, и какъ Принцъ Бднари воспользовался сей нищетою, чшобы уговорить меня къ сему гнусному обману... Вы ему не супруга, я не священникъ!

Глаза мои помрачились; я безъ чувствъ упала подлѣ Корнелии. Когда старанiя ея возвратили мнѣ память, то больной съ трудомъ привсхаль и съ сложенными руками упаль къ ногамъ моимъ. Можете ли просить, сказалъ онъ въ сильномъ движенiи— можете ли просить мнѣ? хошите ли облегчить усращенную совѣсть умирающаго? Попомъ разсказаль, что онъ обднѣвшiй купецъ, что никому не открываль моей шайны, и возьметъ ее съ собой въ могилу. Даже мои ближнiя не знаютъ, откуда пришли грѣхомъ прiобрѣтенныя деньги, уполивши ихъ голодь, сказалъ онъ, а то бы они не могли благословлять моей на-

мяпи! — Удаляясь, Корнелія оставила ему свой кошелекъ, а послѣ смерти мужа пишала жену его и дыпей.

Въ сіи шо дни гореспи, узнала я все величіе и благородство души ея. Находясь одна съ нею, послѣ пагубнаго ошкрыпія, всѣ ужасы несчастнаго положенія моего представились мнѣ, и я, повергаясь въ объятія Корнеліи, вскричала: Машушка! что мнѣ дѣлать? — Скрывая негодованіе и гореспь, выражавшіяся въ ея взорахъ, она сказала въ полголоса: Надѣйся на меня, бѣдная обманушая!.. Мы шеперь не поѣдемъ къ опцу швоему, Серена! мы должны избавишь его опть сей скорби. Можеть бышь, участь швоя еще перемѣнишь; я не могу представить себя Принца столь развращнымъ. — Ахъ! не подавайше мнѣ надежды! сказала я, ломая руки; все, все погибло!

И не было уже надежды! ибо два дни

спустя, получили мы вѣрное извѣстіе, что Принцъ женился на наследницѣ знашнаго дома. Губы Корнеліи задрожали, щеки запылали при семъ извѣстіи—О гнусный злодѣй! провзнесла она громко.

Я ему простила. Ежели онъ когда либо увидишь листы сіи, ежели встрѣшишься съ вами, Базилидъ! Геліодора! то пусть узнаеть, что я уже давно простила, что никогда не проклинала его. Теперь онъ конечно уже узналъ вину свою, наградивъ мою искреннюю, вѣрную любовь ужасными мученіями! —Можетъ быть, онъ не былъ злодѣемъ, а принадлежалъ къ многочисленному разряду слабыхъ людей, кои познають великое и благородное, и даже сами иногда онымъ воспламеняюся, и дѣлають обѣщанія домогаться онаго; но не имѣють довольно силы пропитаться первому предспавившемуся искушенію, не имѣють силы пожертво-

вашь ничтожными желаніями, или распоргнушь недостойныя связи, въ коихъ удерживаетъ ихъ привычка и низкія спраси.

Умолчу о моей горести, а расскажу вамъ послѣдствіе моей судьбы. Дабы скрыть мое положеніе, и избѣжашь носъщеній бабюшки, Корнелія отправилась со мною въ опдаленный замокъ, находящійся въ срединѣ Государства, подъ предлогомъ, что хочешь дождашься разрѣшенія своего въ здоровой гориспой спрань. Никто не сопровождалъ насъ, кромѣ спараго слуги и горничной, находившейся при Корнелии опъ самаго замужства ея. Агашой называлась сія вѣрная, добрая женіцина, которая, не взирая на низкое происхожденіе и необразованность, оказала сполько благородства и вѣжной пощады. Я приняла подложное имя, и между окреспныхъ поселянъ почипалась за жену Офицера, находящагося

на морѣ. Наконецъ настала горестный и вмѣстѣ сладостный часъ; я услышала первый вопль твой — и ты была въ моихъ объятіяхъ, Ангелика!

Я твоя мать, Ангелика! и хотя никогда не прижму тебя къ сему сердцу, спрежнему съ такою нѣжностью къ тебѣ; хотя ты, можешь быть, никогда не будешь слышать сіи слова, и хотя голосъ мой перелетитъ въ неизмѣримомъ пространствѣ, насъ разделяющемъ—но мнѣ такъ пріятно и легко, когда въ слухъ произношу, что столько долгое время должна была скрывать въ груди моей: Я твоя мать!

Только при дни могла я быть оною совершенно. Ты покоилась на груди моей и съ пищею, которую я тебѣ доставляла, ты пила слезы мои, льющіяся на тебя. Въ полночь вошла Агата тайно, и сказавъ тихо: Спуйте за мною съ маленькимъ сво-

имъ Ангеломъ! взяла шебя на руку а другою поддерживала мои колеблющіе шаги до комнапы Корнеліи. Дочь ея умерла при рожденіи. Серена, дай мнѣ дитя свое! сказала она обнимая меня со слезами на глазахъ; и когда Агаша положила шебя къ груди ея, она, поцѣловавъ чело швое, сказала шихо: Я хочу бышь шебѣ маперью!

Какъ Мархезъ не-оспавилъ родспвенниковъ, шо она могла сдѣлать сіе не повредя ни чьихъ правъ. Бабка была привезена изъ опдаленнаго города и обрашно опправлена, а Агаша въ сію минушу шоржеспвенно обѣщала, никогда не опкрывать сей шайны.—Я въ безмолвномъ восшоргѣ поверглась на грудь Корнеліи. О другъ мой! сказала я помолчавъ, я уже всемъ обязана вамъ, и еще симъ должна бышь обязана!

Прибывъ въ Капанію, мы шопчасъ поштили Башюшку, коему болѣзнь

Ч. Ш.

4

препятствовало предъупредить насъ. Два года не видала я родины своей; съ какимъ чувствомъ увидѣла верхи нашего замка, освѣщенные заходящимъ солнцемъ! — Посѣпивъ всѣ мѣста въ домѣ, кои по какому либо дѣтскому воспоминанію были мнѣ пріятны, я на другой вечеръ шла къ садовой бесѣдкѣ, чптобы погулять въ тѣни деревьевъ съ Корнеліей, отправившейся шуда напередъ. Легкій шрепешъ объялъ меня, когда я увидѣла полуотворенную дверь большой залы, въ коей нѣкогда спояла на колѣняхъ передъ гробомъ Машушки. Мѣсяць бросалъ сквозь дверь свѣшлые лучи свои на меня; шоршрешъ дѣдушки, висящій пропшвъ оной, споль же печально и важно шоршрѣлъ на мѣня, какъ въ шопѣ вечеръ, кошорый во всемъ своемъ увыннн предспалъ душѣ моей. Съ шрепешомъ вошла я въ оную, и печально озиралась кругомъ. Изображеніе Машушки оканчивало длинный рядъ предковъ; я спала

на колѣна на томъ мѣстѣ, гдѣ споялъ гробъ, и успрѣмила взоры на крошкія черты, коихъ подлинникъ еще существовалъ въ моемъ воспоминаніи. Тушъ предъставились мнѣ новѣйшія произшествія, несчастіе мое живо возобновилось въ душѣ моей, громко рыдая, наклонила я голову и поцѣловала мѣсто, на коемъ спояла. Вдругъ почувствовала я, что меня обнимаютъ, и услышала голосъ Батюшки. О добрая дочь моя! сказалъ онъ, волнуемый воспоминаніемъ, кое въ сію минушу поразило и его; сдѣлайся споль же доброю, споль небесною какъ она! продолжалъ онъ указывая на портретъ. Вся сила словъ сихъ болѣзненно поразила меня; я упала передъ нимъ, обняла шрепещущія колѣна его, и прижала руки его къ пылающимъ щекамъ моимъ. Въ сію минушу позвала меня Корнелія, безъ чего я, можешь бышь, облегчила бы признаніемъ спесненную грудь. Нѣшъ, сказала я сама себя опомнись—

добрый отецъ! ты довольно огорченъ, сіе несчастіе не должно оправить твоей старости!

Корнелія оправилась безъ меня, ибо теперь Батюшка самъ желалъ, чтобы я его уже не оставляла, и я провела два года съ нимъ. Часто видѣла я свою Ангелику и радовалась ея. Сколь пріятны были для материнскаго щеславія похвалы и ласки, оказываемыя всѣми прелестному дитяти! По истинѣ, ежели бы можно было подозрѣвать наши сношенія, то радость моя, когда я качала на рукахъ своихъ милое дитя, моя заботливость объ немъ, показались бы подозрительными. — Домашнія заботы и попеченія объ отцѣ, а болѣе еще наставительныя и утѣшительныя письма, кои Корнелія въ разлукѣ ко мнѣ писала, мало по малу успокоили духъ мой и заставили надѣяшся вскорѣ пріобрѣсти спокойствіе.

Тутъ ужасная судьба постигла оче-

чество мое. Задолго возвыщалось при-
бытіе грознаго божества возмуще-
ніемъ природы, яростию моря, глу-
химъ шумомъ, слышимымъ въ нѣдрахъ
земли. За нѣсколько времени передъ
открытіемъ несчастія, Корнелія при-
была къ намъ съ моею дочерью. — Тя-
жело носились по воздуху мрачныя об-
лака шумана, въ злосчастный день
солнце было блѣдно какъ луна, и вся
атмосфера пылала въ окрестности. Пе-
редъ самымъ обѣдомъ мы всѣ собра-
лись въ столовой, обращенной къ мо-
рю; отецъ мой возвратился отъ окна,
опасеніе изображалось на лицѣ его. —
Мужайшесь, сказалъ онъ, мужайшесь,
любезные!

Море воздымало угнящіяся волны
свои, и громче раздались раскаты гро-
ма изъ глубины онаго. Стѣны замка
заколебались, мы всѣ вскочили съ мѣстъ
своихъ. Прочь! прочь! вскричала Кор-
нелія, увлекающая отца моего, между стѣмъ

какъ я съ Ангеликой бѣжала. Едва собрались мы въ саду, какъ земля съ ужаснымъ трескомъ задрожала, мы услышали вопли несчастныхъ бѣглецовъ, и въ слѣдующую минуту увидѣли городъ обращеннымъ въ плачевныя развалины; мы поспѣшили ближе къ морскому берегу: Въ Капанию! воскликнула Корнелія, - а въ ту минуту какъ мы сѣли въ карешу, развалины нашего замка запылали.

Ночь застигла насъ. Ни одна звѣзда не прозидала сквозь черный облачный покровъ, но огненный столбъ, извергаемый Эпною, ужасно освѣщала мракъ. Мы находились въ пустынной сторонѣ; дождь наводнилъ быстрые горные потоки, мы должны были своротить съ дороги, чтобы отыскать безопаснаго проѣзда; въ семь намѣреній батюшка удался съ слугами, Корнелія сопровождала его, неся факель, а я осша-

лась у карешы съ Агапюй, держащей дочь мою.

Мы скоро поперяли ихъ изъ виду, и не слышали опвѣща, когда, по долгомъ щещномъ ожиданіи, начали громко приывать ихъ. Въ безпокойствѣ пошли мы наконецъ ближе къ морскому берегу, и въ страхѣ начали громче произносить любезныя имена; но не слышали ничего, кромѣ глухаго гула грома, несущагося чрезъ море съ береговъ Мессины, и не зрѣли ни одного человѣческаго образа на утесистомъ берегу.

Вдругъ выскочило нѣсколько человѣкъ, чуждо одѣшыхъ, они опшоргли меня опъ Агашы, и не внимая вопля спарухи, не прогаясь громкимъ крикомъ моего дияпи, посиѣшно повлекли къ берегу. Одинъ прищазилъ судно, скрываемое за скалой, другой понесъ меня въ оное, и смѣло пустились въ разъяренное мо-

ре. Я лишилась чувствъ. — Къ утру , когда я опомнилась, мы находились у большого корабля, на кошорый я пош-
 часть должна была перейти. Тщешно предлагала я богатый выкупъ предводи-
 дителю корсаровъ, коего не споль су-
 ровый видъ внушилъ мнѣ надежду; онъ обходился почтительно со мною, но изъ рѣчей ихъ я заключила, что меня назначали для гарема ихъ повѣлишеля. — Мы находились не въ дальнемъ разсто-
 янии отъ береговъ моего опечесива , кои скрывались отъ насъ въ дыму и шуманѣ. Мысли о ужасной участи, ожи-
 давшей меня, лишили меня бодрости, съ слезами на глазахъ смошрѣла я на любезную спрану, и съ воплемъ про-
 спирала руки къ ней.

Корсары во весь день оставались въ близкомъ разстоянии отъ береговъ Сицилии , шо сражаясь противъ ярости волнъ, шо скрываясь подъ прибрежныя скалы, пока подъ вечеръ другое судно,

нагруженное добычею, прибыло опть береговъ Мессины. На нашъ корабль перевели молодую прекрасную дѣвушку; опечеспвенный языкъ и одинокая учась скоро сблизили насъ, и мы чувствовали нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что наши жалобы не въ плунъ исчезали, что кто нибудь ихъ чувшвуетъ и понимаетъ.

Какъ скоро выгрузили добычу, сильный въперъ надулъ парусы наши, и дерзкіе разбойники смѣло пустились на встрѣчу бури, копорая ужасно свирѣпствовала, когда мы поравнялись яроптивъ полуденнаго мыса Сициліи. При наступленіи ушра мы достигли опкрышаго моря, гдѣ буря носила насъ безъ направленія, доколь, при лучахъ склоняющагося дня, явились взорамъ нашимъ берега Морей. Когда начало смеркашья, корсары приспали въ маломъ заливѣ, чтобы наскоро починить поврежденный корабль; на уединенномъ

берегу раскинули нѣсколько палатокъ, и, не взирая на печальное положеніе свое, я не могла удержашь радостнаго движенія, при вступленіи на сію священную землю.

Я достигла цѣли мрачнаго пущи моего, заплашила шебѣ долгъ свой, Базилідь! ибо съ эпой минушы мой пущь лежишь передь швоими глазами, съ шпой минушы я проходила новую пріятную штезю, опираясь на швою руку.

Но вамъ, опдаленные друзья! вамъ должна я разсказать какъ спаслась; вамъ должна описать своего избавишеля. Можешь бышь онъ самъ повѣдаешъ вамъ сіе, и доставишь вамъ послѣднее привѣшствие умирающаго сердца моего; но пущь и я разскажу вамъ, чшобы вы узнали все величіе души его

—позвольте моему сердцу сіе пріятное признаніе!

Въ надеждѣ найши благопріятную минушу для спасенія своего, я показывала видъ спокойствія и веселія передъ разбойниками, и также ободряла подругу свою въ несчастіи, копорая изнемогала подъ бременемъ горести. Опъ сего можешъ бытъ корсары насъ не столь строго охраняли послѣ сошествія на берегъ, какъ я опасалась, но оспавили меня съ дѣвушкой однѣхъ въ паланкѣ. — Духъ свободы, геройскій духъ, нѣкогда дышавшій на сихъ берегахъ, казалось—осѣнилъ меня и вдохнулъ мнѣ мужество. Я сообщила свое намѣреніе подругѣ; сказала, чшобы она не теряла меня изъ виду, и послѣдовала бы непримѣтно за мною нѣскольکو минушъ спустя, дабы не подашь за ранѣ подозрѣнія разбойникамъ. Частъ оныхъ разсѣялась, чшобы осмопрѣшь окрестности и караулишь, чшобы вне-

запное нападеніе шуземныхъ разбойниковъ не пошревожило ихъ, а большая часть занималась исправленіемъ корабля, когда мы обѣ вышли изъ палашки. Я прохаживалась между ими и съ ласкою разговаривала шо съ шѣмъ, шо съ другимъ. Глаза мои пробѣгали окрестность и замѣнили при свѣшѣ восходящей луны, въ разстояніи пятидесяти шаговъ, шемный лѣсъ, проспиравшійся между холмами. Воспользовавшись минутой, когда всѣ разбойники усиливались привлечь корабль ближе къ берегу, я достигла входа въ лѣсъ и спѣшила удалиться по широкой дорогѣ, раздѣлявшей оной. Послѣ нѣсколькихъ минушъ, я ошпановилась, поджидая подруги своей и, прислушиваясь со шракомъ, оглядывалась на дорогу.

Вдругъ шорохъ ушрашилъ меня; высокій мущина [вышелъ изъ за кушарника. Учишель мой научилъ меня

и ново-Греческому нарѣчію, я съ до-
 вѣренностію опшрыла незнакомцу въ
 корошкихъ словахъ свое положеніе.
 Такъ поспѣшимъ! вскричалъ онъ съ
 живоспію, обнажилъ саблю, и схва-
 щилъ мою руку.—Мы еще нѣсколько
 минушъ прислушивались, голосоъ дѣву-
 шки поразилъ слухъ мой, и факелы
 поспѣшно приближались по дорогѣ. Два
 корсара съ яростію бросились на не-
 знаконца, который прикрывая меня
 собою, сильно ошражалъ ихъ. Одинъ
 палъ подъ его ударами, другой, полу-
 чивъ рану, бѣжалъ. Громкій вопль моеѣ
 подруги доказалъ намъ, чпо сей по-
 слѣдній и шрешій разбойникъ, удержи-
 вавшій ее во время сраженія, увлекали
 несчастную съ собою. Мы достигли
 благополучно скрышой пропинки, из-
 вѣспной моему освободителю; послѣ
 нѣсколькихъ часовъ ходьбы увидѣли
 мы передъ собою обитаемое мѣсто, и
 наконецъ достигли низкаго уединенно
 споящаго дома, окруженнаго простран-

нымъ садомъ. — Я веду себя къ род-
 ственницѣ своей, которая себя дру-
 жески приметъ, сказалъ мой путеше-
 дшпель, входя. Попомъ отворилъ дверь
 комнаты, гдѣ сидѣла пожилая женщи-
 на благороднаго вида съ дочерьми сво-
 ими и рабынями около заслона, скры-
 вавшаго согрѣвающую жаровню; всѣ
 занимались вышиваніемъ; когда другъ
 ввелъ въ бесѣду ихъ незнакомку, онъ въ
 удивленіи опустили драгоценные шка-
 ни на колѣна. Едва заговорила я съ ня-
 ми на ихъ языкъ, какъ всѣ окружили
 меня, цѣловали мои руки и глаза, и
 осыпали нѣжными названіями.

Вдругъ, восклицаніе ужаса спарушки
 разлучило насъ, она замѣшила кровь
 на одеждѣ моего избавителя, упавшаго
 въ безсиліи на софу. Въ сраженіи онъ
 былъ раненъ, и испошилъ силы въ про-
 должительномъ бѣгствѣ. Тронутая со-
 сраданіемъ, спала я на колѣна передъ
 нимъ, между тѣмъ какъ спарушка при-

кладывала цѣлишельныя шравы на раны его. — Попомъ я разсказала исторію своего освобожденія ; съ какимъ великодушіемъ Базилидъ (нбо онъ былъ мой освободитель) жерпвовалъ собою, какъ онъ не измѣнилъ ни одной жалобой спраданія свои, когда меня изнемогающую болѣе несъ нежели вель. Великодушный человекъ! воскликнула я наконецъ, да я опяшь обрѣшаю здѣсь благородный образъ мыслей вашихъ предковъ, восхищавшій меня споль часто! — Тише! тише! любезная незнакомка, отвѣчалъ Базилидъ слабымъ голосомъ. Развѣ бы ты менѣе сдѣлала для меня, ежелибы буря выкинула меня на берега твоего опечесства? Да припомъ-же, прибавилъ онъ улыбаясь, мы еще со временъ предковъ друзья и союзники. — Базилидъ былъ знаменитый купецъ изъ Фессалии. Возвращаясь изъ Александрии, куда ѣздилъ по дѣламъ шорговли, онъ провелъ нѣсколько дней у хозяйки сего дома, кошорав

была ему дальняя родшвенница, и при
года какъ овдовѣла. Мнѣ рассказали,
что онъ прогуливался для обзорѣнія
окрестностей въ пошъ день, когда ме-
ня спасъ, и имѣлъ намѣреніе отпра-
виться домой на другое утро.—Спа-
раніями хозяйки, онъ черезъ шесть
дней выздоровѣлъ. Я никому не усту-
пала удовольствіе, имѣвъ попеченіе о
избавителѣ своемъ, не опходила опъ
его постели, и старалась развеселять
повѣспованіями объ опечесствѣ своемъ,
или разговаривала съ нимъ о прево-
сходныхъ древнихъ временахъ:

Ты обрянешь всѣхъ любезныхъ сво-
ихъ, сказалъ онъ, когда я изъявила же-
ланіе возвратиться скорѣе въ свое
опечесство—но я, возвратясь изъ даль-
няго спранствія, въ уединенное жи-
лище родины своей, не надѣюсь, чтобы
меня кто встрѣпилъ съ ласкою. Чужіе
уста произнесутъ мнѣ привѣспствіе,
равнодушно подадутъ мнѣ посторонніе

руку. А когда пространное море насъ разлучишь, когда пламеннѣйшія желанія не возмогушь никогда предспавишь тебя взорамъ моимъ, тогда съ сугубою горестію почувствую, что я одинокъ и безъ друга въ уединенной родинѣ!

Вскорѣ обходились со мною какъ съ членомъ семейства. Съ добрыми, просподушными людьми, въ коихъ дурное образованіе и предрасудки не производящъ разногласія, можно скоро подружиться. Ежедневно приходили изъ окрестности подруги двухъ дочерей хозяйки, чтобы видѣть дочь опдаленной страны, которая споль охотно говорила ихъ языкомъ, и споль спарательно подражала ихъ обычаямъ и образу жизни. Съ каждымъ днемъ спановилась я веселью между семи неспорченными дѣшми природы, кои весело наслаждались жизнію; мрачный видъ моего положенія прояснялся и дѣлался пріятнѣе. Какъ спарались онѣ развесе-

ляшь меня, когда замѣчали грусть мою? съ какимъ спараніемъ избирали пріятнѣйшія повѣсти, когда мы занимались вышиваньемъ, и соплепали изъ оныхъ прекрасной вѣнокъ.

Базилидъ по выздоровленіи своемъ, казалось, уже не помышлялъ объ отъѣздѣ, и я чувствовала, что спрассъ его, которую онъ давалъ мнѣ замѣшпшь, дѣлалась нѣжнѣе и искреннѣе. — Давно уже новыя пріятельницы мои хвалили мнѣ свою любимую забаву, и наконецъ возвѣсмили, что въ слѣдующій день будутъ играть въ Клидону. Съ довѣрчивой важностью и въ торжественномъ безмолвіи совершили онѣ вечеромъ таинственное пріуготовленіе, наполнивъ водою урну, содержащую вклады всѣхъ участвующихъ въ игрѣ, и, покрывъ ее миршами и лаврами, опнесли подъ открытое небо. На другой день, когда открыли урну, въ многочисленномъ кругу, игра началась

подблюдной пѣснѣю, и первая вещь, вынудная изъ урны распорядительницею игры, было жемчужное ожерелье, положенное мною, и въ пужь минушу одна изъ дѣвушекъ заплѣла стихъ:

Радость раздается въ домъ, когда явишся
любезный гость;

Но когда удаляется, по уноситъ сердца
наши съ собою.

Потомъ вызвали мою сосѣдку и она заплѣла:

Когда пагубная любовь похищаетъ у насъ
всѣ радости,

Остается надежда въ залогъ, пока онъ
возвращается.

Вынули изъ урны Базилидовъ перстенъ съ печашью. До сихъ поръ онъ добродушно улыбался важности и торжественности дѣвушекъ; но сіи нечаянныя слова смутили его, краснѣя

принялъ онъ кольцо изъ рукъ дѣвушки, и взоры его вспрѣпнулись съ моими, кои непроизвольно обратились на него; я пошупила ихъ и чувствовала, что щеки мои покрылись румянцемъ.

Когда все кончилось, мы вмѣстѣ вышли. Правда, что ты унесешь съ собою наши сердца, всѣ наши радости, сказалъ онъ, но ты не оставишь намъ и надежды.—Сколь великое пространство бы насъ не раздѣляло, возразила я, опившаяся на тихое пожатіе его руки, но я всегда буду вспоминать о сихъ дняхъ, вѣчно буду благодарить тебя, великодушный человѣкъ! и желаю также не испребиться изъ твоей памяти.—О этого и не будетъ! вскричалъ онъ съ живостию, это не случится! я, можетъ быть, нѣкогда пожелаю, чтобы могъ забыть тебя. . . Послушай! на родинѣ моей и въ чужихъ странахъ, кои проѣзжалъ съ малолѣтства, я видѣлъ многихъ любезныхъ особъ, уве-

селявшихъ умъ мой, но ни одной не вѣрялся съ перваго взгляда какъ тебѣ, ни одной не могъ бы при первомъ словѣ вручить всѣ надежды, все счастье свое, какъ тебѣ одной. Сердце мое знало тебя, хотя я никогда не видалъ тебя!

Такимъ образомъ открывалъ онъ предо мною свое сердце при различныхъ случаяхъ, и, не привыкши скрывать своихъ чувствъ, обнаружилъ волненіе сердца; я видѣла, что буря угрожаетъ сему, дополъ спокойному духу. Чѣмъ ближе подходилъ день отъѣзда его, который онъ уже назначилъ, тѣмъ печальнѣе и мрачнѣе спанился онъ; часпо видѣла я его сквозь рѣшетку окна моего, по ходящаго по саду въ задумчивости съ сложенными на крестъ руками, по сидящаго въ бесѣдкѣ, опирая голову рукою, а когда встрѣчался со мною, то безмолвно вглядывалъ на меня съ печальной улыбкой. Сколь при-

скорбно было мнѣ видѣть спраждующимъ челоуѣка, столь великодушно подвергнувшаго жизнь свою опасности для меня незнакомой чужеземки! Но развѣ я не могу сдѣлать конецъ его спраданію? говорила я сама себѣ. Онъ меня любилъ... И не должна ли я также принести жертву тому, кто столь многимъ хотѣлъ пожертвовать мнѣ? — Въ краткое время пребыванія моего съ нимъ, я привыкла чинить въ немъ благороднаго челоуѣка, привязалась къ нему сладостными узами благодарности, а онъ обнаруживаніемъ образованнаго ума своего умѣлъ соплесить еще пѣснѣйшіе узы. Съ какимъ вниманіемъ слушала я, когда онъ говорилъ о прежнихъ временахъ своего народа, когда съ негодованіемъ и сожалѣніемъ сравнивалъ постыдный жребій и угнѣтенное состояніе правнуковъ съ славной жизнію великихъ прародителей! съ какой живостью рассказывалъ онъ о своихъ путешествіяхъ по большой части

воспочныхъ спранъ!.. Онъ былъ прекрасный мужчина высокаго роста, зрѣлыхъ лѣтъ; пріятныя, выразительныя черты мужественнаго лица его часпо напоминали мнѣ опца моего.

Да, я предчувствовала, что онъ опять содѣлаетъ для меня жизнь пріятною, и что не всегда оспавенся мечшою то, чего я надѣялась опъ счастливой любви. Но когда я помышляла объ опечествѣ, о любезныхъ своихъ, попка овладѣвала душою, и заглушала чувства, кои тайно согласовались съ желаніемъ сего превосходнаго человѣка.—На канунъ своего опѣзда, Базилидъ, распорядивъ всѣ дѣла свои, нашелъ меня въ саду, гдѣ я ходила одна, обуреваемая переменными чувствами. Безмолвно споялъ онъ предо мною. И шакъ ничто не можешь оспановишь тебя?сказалъ онъ наконецъ. Ты чувствуешь, сколь велика будешь горестъ моя, когда въ уединенной опчизнѣ уже

не буду встрѣчать твоей образъ—ты знаешь сколь сильна и пламенна любовь моя, а хочешь отвергнуть меня съ такой холодностью?—Нѣтъ! я не отвергаю себя! сказала я съ живостию. Нѣтъ! Базилидъ, я не холодна къ тебѣ. . . Пріятное воспоминаніе, что приобрѣла дружбу твою, будетъ всегда сопровождать меня. . . Любовь однажды обманула меня — какъ могу надѣяться быть счастлива ею? А ты, другъ мой, ты достоинъ сердца исполненнаго юношеской веселости, и ты найдешь его. На что тебѣ мое сираждущее, многиспытанное сердце? Онъ положилъ руку мою на грудь свою, обнялъ тихо и сказалъ шепещущимъ голосомъ: Хочу согрѣть и изцѣлишь его у моего сердца, а ежели не возмогу изгнать горестъ изъ онаго, то пусть оно пусть перестанетъ биться и мое съ нимъ вмѣстѣ! Рука его прижала меня крѣпче, и я, распроганная до глубины души, не удалилась отъ благо-

родной груди, къ коей онъ меня прижималъ.—Да! воскликнула я помолчавъ, никакое протранство не прерветъ союза нашего! Меня въ будущемъ будешь упѣшать воспоминаніе о другѣ, живущемъ въ прекрасной Греціи, а ты будешь воспоминашь о чужеземкѣ, кою полюбилъ. А когда благопріятная судьба приведетъ тебя когда нибудь на берега Сициліи, я почну пошь день счастливейшимъ въ моей жизни!—Дружба твоя споль драгоценный даръ, она пакъ нѣжна и пламенна, какова должна бышь любовь твоя! Съ сими словами онъ удалился; я долго смошрѣла ему въ слѣдъ.

Ахъ сердце мое было не пакъ покойно, какъ хотѣло казаться и какъ я сама прежде воображала. Ты должна себя признашь, говорила я, что съ нимъ удалишь твое счастье!... Ахъ, я ясно вижу, что судьба прошивъ меня вооружилась! Теперь, когда я испини-

но узнала достоинство превосходнаго челоуѣка, когда завѣса пагубной спра-
спы не помрачаетъ души моей, теперь
судьба требуетъ отъ меня отрѣченія,
налагаетъ жестокій законъ разлуки.

Базилидъ совѣдовалъ мнѣ отправиться
въ ближайшую пристань Коронъ ,
гдѣ жила знакомая моей хозяйки , ко-
торая дастъ мнѣ гостепріимство до
прибытія какого нибудь корабля, мо-
гущаго перевести меня въ Сицилію.
Онъ хотѣлъ проводить меня, и мы
съ занимающеюся зарею распались
съ печальными друзьями , къ коимъ
мое сердце столь скоро привыкло. Мы
сдѣлали нѣсколько милей крюку, что-
бы видѣть мѣсто, гдѣ нѣкогда находи-
лась могущественная Спарта. Все воз-
буждало здѣсь великія воспоминанія и я
спаралась оными разсѣять мрачную
задумчивость , которая изображалась
на лицѣ друга моего. На лугахъ зрѣли
мы многочисленныя толпы юношей и

мужей увеселявшихся воинственными плясками; наружность ихъ показывала, что сила и храбрость предковъ еще не совсѣмъ въ нихъ исчезли. Когда жаръ сдѣлался нестерпимъ, мы укрылись въ шѣни частой кленовой рощи, копорая окружала деревеньку и смѣющіеся луга.

Отдыхая близъ ручейка, испекавшато изъ скалы, мы любовались веселостию поселянъ. Здѣсь не превозжили насъ изображенія войны; милостивныя дѣвушки, увѣнчанныя цвѣтами, беззаботно плясали въ хороводѣ, припѣвая къ звукамъ флейпы паспуха, сидѣвшато въ кругу ихъ.

Близъ мѣста нашего отдохновенія проспирались двѣ дороги черезъ лѣсъ; одна должна привести насъ въ Коронъ, другая вела чрезъ Коринескій перешеекъ въ опщизну моего путевоидителя. Въ безмолвіи сидѣлъ другъ мой, и задум-

чиво смопрѣлъ на игру волнь, спруящихся у ногъ нашихъ; веселость, окружавшая насъ, не прельщала его.—Завтра пойду я одинъ по той дорогѣ, прервалъ онъ наконецъ молчаніе, когда скажу тебѣ вѣчное прости. Я не буду здѣсь такъ счастливъ, какъ былъ почтенный спрадалецъ Одиссей въ сихъ мѣстахъ. Знаешь ли ты древнее преданіе сіе? оно теперь занимало мысли мои; послушай его! Одиссей хотѣлъ возвратиться изъ Спарты на свою родину, съ прекрасной Пенелопіей. Отецъ ея сокрушался о близкой разлукѣ, и просилъ зятя, просилъ дочь не оставлять его; но просьба сія не поколебала юношу, въ душѣ коего образъ опеченства живо сохранялся. Когда карета съ любезной дочерью отправилась, отецъ послѣдовалъ за нею, и удвоилъ жалобныя просьбы. Тутъ Одиссей, наскучивъ неопшупными просьбами, обратился къ женѣ своей и сказалъ сіи слова: Избирай кому хочешь слѣдовать, ты сво-

бодна! Хочешь ли ѣхать со мною въ Ипаку, или возвратишься съ опцемъ? Но прекрасная Пенелопія молчала, и опустила покрывало на покраснѣвшее лице. Опець понялъ нѣмое краснорѣчіе, и оппустилъ дочь свою съ супругомъ.

Какъ пронула меня проспая повѣсть, копорую я въ первый разъ слышала. Базилидъ молча схватилъ мою руку и пожалъ ее; и я пакже сидѣла безмолвно подлѣ него. Сердце мое колебалось въ нерѣшимости; великодушіе прекраснаго, весьма распроганнаго мужа, и все, чѣмъ я ему была обязана, предсавилось живо душѣ моей въ сію рѣшительную минушу. — Пора намъ отправишься въ пушь, сказалъ Базилидъ вспавая, чшобы ночь не заспигла насъ въ дорогъ!

Но по шой дорогъ! сказала я шихо, по дорогъ въ швою родину! Изумлен-

ныйими словами, споялъ онъ въсколькo минушь безмолвно; щеки его пылали, шемные глаза заблнспали подобно молннн, руки простерлись, и онъ наконецъ вскричалъ съ спраспнымъ выраженнемъ: Серена! ты хочешь слѣдовать за мною? хочешь пожертвовать мнѣ друзьями и опечеспвомъ? — Всемъ! всемъ! сказала я, находясь въ его объспнхъ. Такъ возврапмся къ доспойной родспвенннцѣ моей! сказалъ Базилидъ, послѣ молчання, исполненнаго восхищення; совершнмъ шамъ веселый Гименей, а послѣ начнемъ блаженную жизнь въ Тессалнйской Темпей.

Между тѣмъ какъ мы возврацались къ его другу, сомнѣння нѣсколькo времени занимали душу мою; открышь ли мнѣ другу своему гореспи, удручавшня меня? Должна ли умолчать ихъ? Онъ зналъ только поверхностно, что я была несчастна въ первой любви; но изъ нѣжной пощады ннкогда не спра-

шиваль о подробностяхъ. Совершенное признаніе не повредило бы мнѣ въ сердцѣ сего великодушнаго человѣка, но участіе въ моей судьбѣ помрачило бы его радость. Нѣтъ! говорила я себѣ, чпобы быть совершенно счастливымъ, онъ не долженъ знать, сколь я была несчастна! Опъ меня ожидаетъ онъ радости въ уединенной жизни своей, опъ меня вознагражденія за безъопрадную юность; хочу одна переносить спраданія, причиняемыя воспоминаніемъ.

Любовь его соспавила мое счастье, я была счастливѣе нежели могу вамъ пересказать, и только горестъ никогда не получаешь извѣстія объ васъ, и не имѣешь возможности доставить вамъ вѣрное извѣстіе о себѣ, возмущала иногда душевное спокойствіе мое, которое я нѣкогда считала на всегда утраченнымъ. Часто посылали мы письма съ чужеземными корабельщи-

ками, кои надѣялись пристать въ Сицилійскія пристани; — но ни одинъ не возвращался съ желаннымъ отвѣтомъ.

— Рожденіе Геліодоры довершило мое благополучіе. Еще ли спраждешъ швое сердце? Еще ль оно не исцѣмилось? спросилъ однажды Базилидъ, когда исполненные радости глаза его встрѣпились съ восхищенными взорами, кои я опъ улыбающагося младенца обратила на возлюбленнаго супруга. О! оно исполнено только любви и радости! вскричала я съ истиннымъ чувствомъ.

— Геліодора достигла девяшаго года, когда дядя моего супруга скончался въ Мипилецѣ. Базилидъ, не получившій никакого имѣнія опъ своего опца, всегда былъ вспомошествоваемъ дядею, и теперь сдѣлался наслѣдникомъ его богатаго имѣнія. Мы оставили Тессалию, и обрѣли въ Мипилецѣ несчаспіе, которе помрачипъ послѣдніе дни моей жизни. Насъ уже за долго предостерегали опъ недосшойнаго прошив-

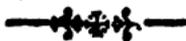
ника; Базилидъ подозрѣвалъ его согла-
сіе съ неправеднымъ судьбою; ему со-
вѣщивали отвратишь ударъ богатымъ
подаркомъ. Нѣтъ! воскликнулъ онъ съ
благороднымъ негодованіемъ, пусть луч-
ше лишусь всего, нежели спаси себя
подлымъ поступкомъ!

Такъ довершила судьба кругообраще-
ніе моей жизни! она началась слезами
и гореспью, рѣдко давала мнѣ согрѣ-
ваться солнечными лучами, и жестоко
послала на прощанье слезы и гореспю.
Но не могла покинуть душевнаго спо-
койствія, не повергла во шью опчаянія
и жалобъ; я не забыла шѣхъ свѣтлыхъ
солнечныхъ лучей, коими прежде насла-
ждалась. — Въ сіи дни гореспи я и Бази-
лидъ ушѣшались воспоминаніемъ; наше
прошедшее доспапочно изобиловало ра-

доспїю и благополучїемъ, чпобы вознаградишь за настоящее. Ахъ! ежелибы не успрашало насъ неизвѣстность будущей судьбы Гелїодоры, я не пролила бы ни одной слезы, весело бы улыбалась глядя на волны, поглотившія богатое имѣніе...

Вы, новые любящіе друзья, дайше ей новое опечество; пусть супругъ мой проведетъ въ объятїяхъ вашихъ покойную старость! Я васъ уже не увижу.—Душа моя уже внемлетъ опдаленные звуки смерти; скоро отправлюсь я впередъ—или послѣдую вамъ, шебъ, Башюшка, шебъ, Корнелїя, въ страну вѣчнаго соединенїя! Примите здѣсь мое послѣднее привѣтствїе, и сохраните его доколѣ шамъ возглашу вамъ первое!.. А вы, любезные глаза, кои первые будете чисташъ лишпы сїи, открывающїе вамъ мое страданїе—я васъ не знаю, но вы не прочтете ихъ безъ слезъ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Ангелика ! твоя мать не предчувствовала , что смертный ударъ долженъ поразить расперзанное сердце твое , когда ея наслѣдіе опкроетъ ужасную участь твою ; она не предчувствовала , что давно удерживаемое изъвлеченіе материнской нѣжности , радостное восклицаніе : Я твоя мать ! такъ жестоко поразитъ тебя . Какъ могла бы ты восхищаться сей матерью , сей сестрою ! Но теперь , ты содрогаешься въ объятіяхъ сей любезной дѣвушки ,

всѣ ужасы своего положенія сразили
тебя.

По знаку Игуменьи всѣ предсposable удалились; она, оставшись одна съ двумя друзьями, спросила несчастную о причинѣ сильнаго ея волненія. Обливаясь слезами, открыла Ангелика въ короткихъ словахъ ужасную тайну. Такъ для того я была избавлена отъ смерти? вскричала она ломая руки. Несчастное семейство! и я не должна была умереть спокойною, безвинною!—Геліодора и Игуменья были поражены. Вы смотрите на меня съ изумленіемъ? продолжала Ангелика помолчавъ. Вы содрогаетесь? О бѣгите, бѣгите отъ меня, на кою судьба паложила печать отверженія! При видѣ моемъ всѣ съ ужасомъ вопіють: Жена брата твоего! Геліодора поверглась на колѣна у постели, обняла съ нѣжностью сокрушенную сестру, и вкупѣ съ Игуменьею старалась успокоить горестную Ангелику.

лику. — Она чась опть часу спановилась слабѣе, и соспоянiе ея сдѣлалось споль сомнительно, что Игуменья, прочипавъ съ Гелiодорой Серенины бумаги, попчасъ опправила гонца къ Принцу. Поспъшише прiѣхашъ, писала она къ нему; поспъшише, несчастный опецъ! ежели хопише видѣть еще разъ Ангелику. Мрачная завѣса поднята; я содрогаюсь, когда взираю на оную. Я проливаю слезы о васъ, ибо вамъ успъшенiе будешъ нужнѣе, нежели намъ, коихъ воспоминанiе не обременено никакой виною!

Вечеромъ Игуменья сидѣла съ молодымъ другомъ своимъ у одра больной, копорая наконецъ предалась сну. Несчастiе сестры сильно попрясло Гелiодору, и она въ сей день часпо обнаруживала сильное волненiе души. Съ какими радоспными чувспвами ожидала она минуты, долженспвующей соединиць ея съ Ангеликой, и привыкла

почипати ея началомъ новой свободной жизни; съ какимъ неперпнїемъ желала внимати съ нею послѣднїя слова мапери, и съ нею возобновишь памяшь о почтенной родителъницѣ; а теперь сїи прелесшныя узы, къ коимъ спремилось сердце ея, посвящены слезами; теперь явилась она какъ посланница судьбы, принесшая благородному сердцу опчаянїе. — Къ симъ гореспнымъ мыслямъ присоединились новыя заботы, новыя безпокойства. Коль скоро прочла она повѣспованїе своей мапери, шо не сомнѣвалась, что шошь Эгидію, коего несчастїями она съ такимъ учаспїемъ занималась, дѣдь ея.

Сидя у одра спраждущаго друга, погруженная въ размышленїе, Гелїодора опкрыла Игуменїи свои дѣгадки. Цецилія совѣшвала, чтообы Ринальдо опправился въ городъ, въ опкровенномъ разговорѣ съ узникомъ увѣрился въ справедливоспи сего опкрышїа, и упо-

требилъ бы оное въ его пользу. Геліодора молчала, ибо сіе имя поіпрясло спруну, копорая во всѣхъ изгибахъ ея сердца раздавала звукъ, соединявшійся съ отголоскомъ пріятныхъ впечатлѣній, испытанныхъ ею вчера вечеромъ съ поликимъ воспоргомъ.

Вскорѣ проснулась больная къ чувству своихъ спраданій. Она посмотрѣла на друзей своихъ, и, схвативъ ихъ руки, сказала послѣ нѣсколькихъ минутъ: Я видѣла Машушку, Геліодора! она сказала мнѣ, чшобы я не плакала, ибо скоро буду съ нею... Прочши мнѣ еще разъ слова ея; шеперь я могу ихъ покойнѣе выслушашъ.

Тщешно просила Геліодора и Игуменя, чшобы она пощадила себя и не возобновляла своихъ спраданій; вѣдь я хочу бышь покойна! сказала она шихо. Но когда сестра кончила членіе, то чувство ея злополучія пора-

зило несчастную съ сугубою силой. Чрезъ нѣсколько минутъ, когда Игуменя удаллась, Геліодора, наклонясь къ сесшрѣ, которая ей печально улыбнулась, сказала тихимъ голосомъ: Ангелика! твой Ринальдо не далеко отъ сюда! Нѣжный румянецъ оживилъ блѣдныя щеки больной. Она пожала руку дѣвушки, и послѣ краткаго молчанія отвѣчала: Онъ долженъ быть твоимъ, Геліодора! Я скоро переспану спрадась, и ты доставишь ему мое послѣднее просши.

Печально приближалась Агата; она ушромъ узнала отъ Беаты имя незнакомки; положеніе злосчастной предсавилось душѣ ея во всемъ ужасѣ. Уже готовилась она открыть пагубную шайну, когда Геліодора подошедъ обняла ее съ чувствомъ. Тутъ увидѣла она, что уже все открыто, когда она съ шрепетомъ сбиралась открыть завѣсу. — Со слезами упала она подлѣ

одра больной. Вопль, добрая Агаша, которая пеклась о цвоемъ младенчествѣ! сказала Геліодора сесирѣ; Ангелика подала руку старухѣ. О Боже мой, до чего я дожила! вскричала Агаша рыдая. Ахъ, по чщо осталась я въ Сициліи? по чщо не послѣдовала за вами? тогда бы сіе несчастіе не случилось!

Состояніе Ринальдо было пѣвмъ живѣе, чѣмъ менѣе онъ изъ внѣ развлекаемъ былъ, и не могъ предчувствовать огорченій, угопованныхъ его любезнымъ друзьямъ со времени свиданія его съ Геліодорой. Онъ также, возвратясь въ свое уединеніе, предался радостнымъ воспоргамъ сердца, вспоминая все случившееся въ пропекшія минувшы, и утверждающее его пленительныя надежды. Онъ заснулъ поздно; легкокрылый богъ сновидѣній продолжилъ мечшы, занимавшія его на яву, и водилъ его съ образомъ любезной по

различнымъ восхищительнымъ спра-
намъ.—

Въ слѣдующій день, не имѣя пред-
лога посѣпить монастырь, онъ раз-
влекалъ непрерывнѣе свое прогулкой по
пленишельной окрестности, и читалъ
Шекспира, книгу оставленную ему
Францескомъ, великимъ любительемъ Ан-
глійскаго языка и стихопвореній. Ри-
нальдо еще не зналъ сего превосходнаго
Автора, а безпокойная жизнь до сихъ
поръ не допускала его до чтенія сей
книги; она содержала Ромео и Юлію.
Уже поздно кончилъ онъ ее и попомъ
спѣшилъ къ монастырскому саду, гдѣ
ожидалъ Геліодоры въ часномъ кустар-
никѣ. Сердце и воображеніе его были
въ сильномъ волненіи; образъ несча-
спной любви, споль нѣжно и прога-
пельно представленной стихопвор-
цемъ, произвелъ уныніе въ душѣ его.
Въ семъ расположеніи онъ сугубо чув-
спвовалъ гореспъ обманушаго ожида-

ніа и погрузился въ мучительныя сомнѣнія, когда наступившая пемнопа ночи лишила его всей надежды.—Многіа монахини по одиночкѣ и по нѣсколькѣ вмѣспѣ, проходили мимо скрышнаго убѣжища его, и одинъ разъ онъ ясно слышалъ произнесенное имя Ангелики. Онъ въ удивленіи внимательнѣе прислушивается, разговаривающія говорили громко, и онъ заключилъ изъ рѣчей ихъ, что Ангелика должна бытъ въ близи. Но гдѣ она? что подумать о семъ новомъ явленіи? Можетъ бытъ оно причиною опсущствіа Геліодоры?

Сіи опасенія побудили его итти на другое упрѣ въ монастырь, чшобы испроситъ себѣ разговоръ съ Геліодорой. О эпо ужасно! воскликнулъ Ринальдо внѣ себя отъ негодованія, когда Геліодора сообщила ему все происшедшее. И несчастная поверглась сѣй роковой нечаянности! — Мы еще надѣемся;

что она не будетъ у насъ похищена, продолжала Геліодора помолчавъ, и покраснѣвъ прибавила тихимъ голосомъ: Вы конечно чувствуете чѣмъ обязаны сестрѣ моей, чтобы видѣ въ будущее сдѣлать ей не столь печальнымъ. Нѣсколько минулъ Ринальдо пребылъ въ безмолвіи погруженный въ задумчивость; потомъ взглянулъ мрачно, и, взявъ руку Геліодоры, сказалъ: Я очень чувствую, что испорція моихъ ссраданій также еще не довершена! — Тутъ Геліодора рассказала ему свое открытіе на счетъ Эгидія, но онъ доказалъ ей, что ему и теперь не позволять говорить съ заключеннымъ, и только пріездъ Принца можетъ споспѣшествовать ея желанію.

Медленными шагами отправился Ринальдо въ свое уединеніе, и пылкая борьба началась въ его раздѣленномъ сердцѣ. Конечно, не голосъ любви говорилъ въ пользу Ангелики, ибо она

должна была призвать на помощь должность, чтобы достигнуть его сердца: но сия должность была для него споль священна, что онъ хотѣлъ пожертвовать ей сладчайшими желаніями. Иногда онъ чувствовалъ, сколь сильно пронепъ его видъ Ангелики, сколько пріятныхъ воспоминаній возобновишь, шѣмъ сильнѣе, что теперь прежнія препятства уничтожены — пошомъ представлялся душѣ его Геліодоринъ прелестный, юношескій образъ, крапкія, пріятныя минушы, проведенныя съ нею; восхищительная будущность, которую надѣялся вкушать съ нею, все представлялось въ пленительномъ видѣ воображенію его, и онъ не былъ въ состояніи рѣшить борьбу чувствъ своихъ.

Посѣщеніе неизвѣстнаго друга благодарительно воспріявствовало его печальнымъ мечтаніямъ. Вы успеете въ

семъ трудномъ испытаніи! сказалъ онъ, когда Ринальдо повѣрилъ ему свое положеніе. Мнѣ не нужно указывать вамъ путь, по коему вы должны идти. . . Судьба несчастной женщины весьма жестока, и должна причинять ей ужасныя мученія, ежели она такъ благочестива, какъ вы рассказывали. Я перенѣлъ многія горестныя испытанія, но минула такого открытія превышаешь годы моихъ спрданій. — Ринальдо водилъ своего друга по окрестности, а при склоненіи дня они пришли въ лѣсъ, примыкающій къ монастырскому саду. Незнакомецъ посмотрѣлъ вверхъ по древнимъ плетнемъ заросшимъ спѣнамъ, и сказалъ Ринальду: здѣсь раздавалась уже не одна жалоба! Для меня монастырь являеть ужасающій видъ, раскрывающій многія раны въ моемъ сердцѣ, и потому я сегодня въ первый разъ обзрѣваю эпошь, хотя уже нѣсколько лѣтъ живу въ немногихъ миляхъ отсюда. . . И моя

любезная заключена гдѣ нибудь въ древнихъ монастырскихъ стѣнахъ!

Они всходили по дорожкѣ, ведущей къ скамьѣ, находящейся подъ каштановыми деревьями, вдругъ Ринальдо увидѣлъ изъ дали сходящую Игуменью съ Геліодорой: Видите ли тамъ дѣвushку величественнаго роспу! сказалъ онъ съ живоспiю своему другу, схвативъ его за руку и спѣша на встрѣчу приближающимся. Онѣ воспользовались минутой, когда Ангелика заснула, чпобы освежить духъ свой, ослабѣвшій отъ ночнаго бдѣнія и печали, и теперь спѣшили возвратиться въ монастырь. Едва успѣлъ Ринальдо представить имъ своего друга, и спросить о состояніи Ангелики, какъ Игуменья съ громкимъ крикомъ упадаетъ подлѣ Геліодоры. Цецилія! Цецилія! восклицаетъ незнакомецъ и бросается къ ея ногамъ, чпобы поддержать ее. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, Игуменья приходитъ въ па-

машь, еще разъ смотришь въ лице незнакомцу — Милосердое Небо! воскликнула она, и побѣжала съ Геліодорой въ садъ.

Алессіо споялъ пошупя голову и простирая руки за бѣгущими; Ринальдо обнялъ его съ участіемъ. Этого я не ожидалъ! сказалъ незнакомецъ по долгомъ молчаніи, продолжая пупь рука въ руку съ другомъ своимъ. Тутъ сообщилъ онъ ему подробнѣе свою испорію, которую мы опчаспи помнимъ изъ повѣствованія Игуменьи, а опчаспи скоро узнаемъ. Когда Ринальдо узналъ что онъ, по рассказалъ, какъ въ сіи дни опкрылись тайны, скрывавшія влосчастное имя Монкади; сказалъ, что дочери Серены находяпся въ монастырѣ, и что въ заключенномъ Эгидіо найдешь онъ опца своего. Опстановишесь! воскликнулъ Алессіо въ крайнемъ волненіи, довольно на эшопъ разъ горести и радости!

Еще сильнѣе было возмущеніе, произведенное въ груди Цециліи свиданіемъ съ любезнымъ. Поддерживаемая другомъ, вошла она колеблющимися стопами въ монастырь, и послала Геліодору одну къ Ангеликѣ. Проведя нѣсколько горестныхъ часовъ въ уединенной кельи, въ молитвѣ и слезахъ, ободрилась и пришла опять къ больной; но намѣреніе скрыть свои спраданія, ежеминутно измѣнялось неволью спремящимися слезами и вздохами, коими облегчалась спѣсненная грудь. Время едва изцѣлило раны сердца ея; только мысль, что Алессіо уже не существуетъ, поспешенно пріучила ее къ опрѣченію, и доставила ей слабое, легко возмущаемое спокойствіе. Нечаянное явленіе возлюбленнаго вдругъ уничтожило произведеніе столь долговременныхъ болѣзненныхъ усилій.

Или еще недовольно пролило слезъ? сказала Геліодора, входя около полу-

Ч. III. 6

ночи въ свою келью, дабы отдохнуть нѣсколько часовъ. И сія благородная женщина должна испытать свои удары, жестокой рокъ? . . . Теперь ты уснаряешь свои грозные взоры на меня! Не отвращай ихъ, низпусти еще мрачнѣйшія тучи на снѣзи мои, ежели только можешь вернуть счастье и покойствие сокрушенной сестры моей! . . . Я также должна отказаться отъ легкаго желанія? счастья, казавшееся мнѣ столь близкимъ, должно исчезнуть на вѣки? Ахъ, еще не довольно пролила слезы!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Волненіе , произведенное въ сердцѣ Геліодоры отреченіемъ опъ сладостныхъ надеждъ , удалило сонъ опъ упоженныхъ вѣждъ ея. Въ безпокойствѣ ходила она взадъ и впередъ по кельи , по внимала жалобамъ своего сердца , по предавалась унылой радости , произведенной явленіемъ Алессія. Наконецъ попались ей на глаза лиспки , находившіеся въ ларчикѣ , содержавшемъ испорію ея матери ; она оставляла ихъ доселѣ , до свободнаго времени , но шеперь начала чипашь :

Догерямъ моимъ.

Вы слышали исторію моей юности; я писала ее при печальныхъ воспоминаніяхъ, когда новое несчастіе, разрушившее споль мгновенно наше благополучіе, обратило взоры мои съ большимъ вниманіемъ на прошедшее и будущее. Вамъ должна я сказать еще нѣсколько словъ, кои вы сохраните для наставленія въ жизни вашей.

Одно лежишь у меня на сердцѣ, и оно объяснилось мнѣ, между тѣмъ, какъ я разсмапривала жизнь свою. Скажите, опгъ чего происпекаюшь всѣ заблужденія женскаго пола? Прерванное равенство духа, разспроенное согласіе сердца—вопъ гдѣ найдете испочники оныхъ. Одностороннее спремленіе хощя и прошивно всякому образо-

ванію , но нигдѣ не причиняешь
 сполько зла , какъ въ женскомъ
 умѣ ; оно въ немъ уничтожаетъ
 всякое развитіе благороднаго су-
 щеслованія . Ибо мнѣ кажется ,
 что основаніемъ женскости есть
 сіе равенство духа , сіе спокойное
 согласіе силъ . Въ насъ первобытно
 нѣтъ ни борьбы ни пренія , для
 насъ миръ есть колыбельный даръ
 природы . Мушину влекутъ его
 свойства и склонности къ борьбѣ ,
 ему награда за храбрость лучше
 мира . Онъ приобретаетъ его чрезъ
 побѣду надъ всякимъ ограничива-
 ніемъ , мы ищемъ и находимъ его
 единственно въ нѣжной скромно-
 сти , въ шихомъ согласіи вну-
 шреннаго бытія нашего . Для насъ
 природа образовала нашъ міръ ;
 мушину образуетъ его , самъ для
 себя .

Но сколько рѣдко сохраняется намъ

сіе первобытное расположеніе во всей чистотѣ! сколь рано удаляемся мы изъ сего рая, въ который природа насъ дружески помѣстила! Ахъ! весьма немногимъ позволяется опяшь въ оный возвратишься; для большей части входъ въ оный заграждается пламеннымъ мечемъ приврашника. Односпорность и прерванное образованіе были также искусителями въ нашемъ раю, и они послѣ превращаются въ грознаго приврашника... Ежели мы однажды оспановимся въ сипремленіи за согласнымъ образованіемъ—сей основной склонности существа нашего—сколь близки мы тогда опъ пущи заблужденія! Ежели силы наши раздѣльно дѣйствуютъ и упражняются, но мы слабы уравнивать ихъ, сколько бы одна или другая не преимуществовала, и колеблемся при малѣйшемъ дуновеніи; но еже-

ли они смиренно въ любви соединяются во едино, тогда мы сильны, могущественны и прекрасны.

Гдѣ сохранилось во всей чистотѣ основное согласіе, тамъ и любовь не можетъ причинить вреда; ибо тамъ любовь есть необходимость утвердить сіе согласіе. Но когда односторонность насъ развратила, тогда и страсть не далеко съ своими спутниками Фуріями, готовыми совершенно затмить помутившійся умъ. Повторяю вамъ, страсть не есть естественное состояніе. Не соблазнилась почестъ усугубленную чувствительность, которую она производитъ, и мнимую силу, кою насъ оживляетъ, за благодѣтельное усовершенствованіе нашего существа; она насильственно и разрушительно вползаетъ во внутренній механизмъ бытія нашего,

и сія сила оканчивается смертельнымъ разслабленіемъ. Повторяю вамъ еще разъ — только спокойствіе дѣлаешъ насъ сильными и могущесшвенными.

Вы спрашиваете меня, что должно дѣлать дабы не лишиться сего расположенія? Тебя, моя Ангелика! образовала благородная Корнелія, за себя я не должна спрашиваться; а надъ своею душою, Геліодора! я съ нѣжной попечительностію пеклась. Но можешъ быть я рано буду похищена у неба, дочь моя, въ такое время, когда еще многія явленія въ жизни могутъ смутить тебя; можешъ спашься и ты Ангелика! уже оплакиваешъ маперинскаго друга своего; для того хочу вверить вамъ сія слова: Есть два злые духа, кои могутъ сдѣлать опасными для насъ: *Тщеславіе* и спрасъ

презойти свой *поль*. Признаюеь вамъ, въ молодыхъ лѣтахъ, я сама не была свободна онъ внушенія, щцеславія, и часно въ минушы когда не осперегалась, возносила себя надъ другими дѣвушками, у коихъ способности, которыя я обрабатывала щцательна, оставались необразованными. Я часно забывала, что мы женщины должны употреблять каждое дарованіе, только для усовершенствованія своего и для украшенія общеспвенной жизни... Но какъ часно увлекаеь насъ щцеславіе и спрась выказывать себя; мы обрацаемъ все свои спаранія на ту спорону нашего сущеспва, копорая намъ кажеься способною къ величайшему блеску, и съ самой шой минушы; прости наше согласное образование.

Когда женщины еще не поспиа-

гли тайны своего существа, по ограниченность, глубоко основанная въ ономъ, часно кажется имъ узами, кои не могутъ бытъ сверженными довольно рано. Твердость мужа дѣлается ихъ идеаломъ, къ которому хотѣя въ возвысить слабость своего пола — и теперь-то содѣлывающа слабыми, ибо я не знаю иной женской слабости, какъ ту, которая происходитъ отъ отдѣльнаго образованія. — Ежели бы я могла довольно сильно предостеречь васъ отъ сего злосчастнаго стремленія, васъ дѣти мои, и васъ всѣхъ, молодыхъ дѣвушки! Природа мудро раздѣлила помы по способностямъ и опредѣленію ихъ; не разрушайте дерзновенно священнаго предѣла, не впоргайтесь высокомерно въ борьбу, въ коей неминуемо погибнете, а съ вами все, что было въ васъ великаго и изящнаго. Тогда уда-

ляпся прелестныя Геніи, кои охраняли и облегчали жизнь нашу— Спыдь и Любовь. Тогда будущъ отвергнушы сіи междоумки, надъ коихъ поддѣльной пвердоспью будешъ издеваться мужскій полъ, коимъ недостапокъ нѣжности и любезности воспретишь долѣе принадлежашъ къ женщинамъ.

По большей часпи, виною сего несвойшвеннаго спремленія бываюпъ жалобы на наше состояніе, копорыя повсюду пронзпслпся многими изъ насъ, и многими мущинами, кои думаютъ воздашь симъ честь Генію нашего пола, между тѣмъ какъ его симъ унижаютъ. Дѣши мои, не давайшесь въ обманъ симъ льспивымъ рѣчамъ, кои могутъ бышь пріятны только простому самолюбію! Ежели вы не имѣете истиннаго познанія, посовѣшуйшесь только

съ прямыми чувствами, и вы вѣрное не будете повпорять несмысленныя жалобы сіи. Нѣтъ, не нужно перемѣнять наше внѣшнее состояніе и наше положеніе въ гражданскомъ мірѣ, чптобы исправить и усовершенствовать насъ. Все вообще такъ, какъ прилично женскому существу. Ежели впрочемъ окажется сильное желаніе къ образованію, ежели мы ясно понимаемъ свое свойство и опредѣленіе, тогда достигнемъ прекрасной цѣли, не соспязаясь съ мужчинами о славѣ громкихъ подвиговъ, не принимая дѣятельнаго участія въ дѣлахъ общественной жизни. Ежели бы я была мужчина, не знаю чптобы вѣрнѣе могло оповрапить меня опъ женщины, какъ шо, ежели бы она согласовалась съ нами жалобами.

Обратимъ взоръ опъ сихъ иска-

женныхъ видовъ на пріятную картину, представленную мною въ началѣ, на изображеніе веселой, правильно образованной женщины. Сюда должны всегда стремиться ваши взоры! Сохраните сію райскую невинность! Тогда не буду опасаться предосава вась свѣшу? Почему тогда спрашиваетесь мнѣ? Даже любовь, сей подводный камень, сокрушившій столь многихъ благомыслящихъ женъ, и онъ не устрашитъ меня.

Геліодора въ величайшемъ волненіи кончила сіи листы, какъ глухой шумъ поразилъ ее, и яркій свѣтъ факеловъ освѣпилъ мракъ предъ окнами ея. Она вышла. Передъ комнатою Ангелики встрѣтила она Игуменью, кошорая мимоходомъ сказала, что Принцъ Бонари прибылъ, и она спешитъ предуготовить его.

Гвидо сопровождалъ отца, коего душу потрясло письмо Цециліи. Оно, хотя казалось, относилось только къ опасному союзу Ангелики, которое онъ легко могъ предсказать себѣ; но оппечашокъ сильнаго волненія въ письмѣ, и безпокойная совѣсть Принца возбудили въ немъ ужаснѣйшія предчувствія. Во время дороги онъ сидѣлъ въ мрачной задумчивости возлѣ сына, который не менѣе превожился печальными опасеніями. Когда Игуменя встрѣтила ихъ при входѣ въ покои посѣпителей, гдѣ находились и комнашы Ангелики, Принцъ съ испрашенными взорами старался прочесть ожидающее его извѣстіе на печальномъ лицѣ Игуменьи, потомъ сказалъ не пвердымъ голосомъ: Откройше мнѣ все! освободите меня отъ сихъ сомнѣній! я говорю на все. . . Умоляю васъ, прервалъ Гвидо, оппведите меня къ супругѣ моей! — Несчастные! оппвѣстивовала Цецилія, вошедъ съ ними въ споловую

—нѣтъ, къ этому вы не можете быть готовы! Пречтите сами участь свою; мой языкъ опказываешся повпорить ужасную вѣсть.

Торжественное молчаніе царствовало въ комнатѣ, когда Принцъ препещущими руками держалъ бумаги; Цецилія въ печальной задумчивости спояла подъ сводомъ окна; Гвидо въ робкомъ ожиданіи, пропивъ опца, замѣчалъ каждую перемѣну въ лицѣ его. Наконецъ Принцъ спремешельно вскочилъ, и, прошедь поспѣшно нѣсколько шаговъ, вдругъ оспановился, поднялъ сжапыя руки въ вверхъ, неподвижные глаза успремелись въ потолокъ. Мспишель небесный! воскликнулъ онъ по долгомъ молчаніи—Мспишель небесный! повпорилъ онъ глухимъ препещущимъ голосомъ. Ты наспигъ меня? и швоя дѣснаца такъ шяжело—такъ шяжело на меня обрушилась?... Голова его скло-

нилась, онъ лишился всѣхъ способностей.

Гвидо лишился чувствъ, когда отецъ, закрывъ лице свое, произнесъ слова: Ангелика сестра твоя! онъ вскочилъ съ ужасомъ, когда Цецилія подошла къ печальной группѣ и съ сострадашьямъ видомъ прервала грозное безмолвіе; она произнесла нѣсколько утѣшительныхъ словъ, дабы ихъ успокоить; потомъ сказала, что Монкади недалеко отъ нихъ, и что Принцъ долженъ доставить ему свободу. Понеже Ангелика еще не знала о прибытіи Гвидо и отца своего, при томъ-же нечаянное появленіе ихъ могло быть опасно, по Принцъ рѣшился немедленно отправиться въ городъ. Появленіе его и Гвида усугубило бы мрачную горестъ Ангелики; но ежелибы онъ могъ предстать къ ней съ почтеннымъ дѣдомъ и получить прощеніе оскорбленнаго

отца при одрѣ ея, тогда бы лучъ радости освѣтилъ мракъ сей.

Принцу не трудно было освободить его; распорядивъ все, онъ поручилъ Гвидо привести Монкадія въ монастырь. Развѣ узнали невинность мою? спросилъ Монкади Губернатора, сопроводившаго Гвидо въ шемнину. Вы получаете свободу по знашному предшательству! былъ отвѣтъ. Такъ я ослабнущъ здѣсь! сказалъ Монкади съ холодной важностью. Я шребую правосудія, а не хочу милоспи.—Вы найдете правосудіе, сказалъ Гвидо подошедъ ближе, но шеперь нужно скорое удаленіе ваше отсюда. Васъ ожидаетъ сынъ вашъ и дѣти любезной дочери вашей. Монкади мрачно посмотрѣлъ на него, потомъ вскричалъ съ сильнымъ выраженіемъ: Юноша! кшо ты, чшо издѣваешь ся надъ моими мученіями? Гвидо старался успокоить волненіе старца, и увѣрялъ еще, чшо хочетъ привести

его въ объятія дѣшей его. — Невозможно! невозможно! повпорялъ Монкади съ живоспію, между шѣмъ какъ юноша велъ его къ карешѣ. Я не привыкъ наслаждаться безмяшежнымъ счастьемъ, сказалъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, или меня ожидають новыя спраданія? — Не могу скрыть сего опъ васъ, опвѣпшвоваль Гвидо, и меня сіи спраданія сугубо поразили, но мнѣ не предоспавлено шакого упѣшенія какъ вамъ.—Кшо вы? спросиль Монкади. Слѣдующая минуша объяснишь вопросъ вашъ, и я надѣюсь, чшо вы перенесете сіе объясненіе и все чшо съ онымъ сопряжено, съ спокойствіемъ и мужеспвомъ многоиспытаннаго чловѣка. — Когда Гвидо выговориль сіи слова, кареша остановилась у монастыря. Монкади, узнавъ мѣсто, пришелъ въ себя опъ глубокаго размышленія, и спросиль спремишельно: Кшо вы? какія новыя мученія ожидають меня?... Или хопятъ—продол-

жаль онъ съ большимъ жаромъ — хлопая гнуснымъ образомъ употребить во зло мое беззащитное состояніе?

Гвидо спарался испребить подозрѣніе Монкадія, вводя его въ комнату, гдѣ спарый Принцъ, прибывшій нѣсколько минутъ прежде, ожидалъ съ безпокойствомъ своего спариннаго врага. Узнавъ Принца, пораженный Монкади опспунаешъ и восклицаетъ съ сверкающими глазами, препенущими ушами: Бонари. Такъ ему-шо шы хоплъ преданъ меня, льспивый измѣнникъ? сказалъ онъ, обращаясь поспѣшно къ Гвидо. Ему, который съ злымъ удовольспвіемъ уничпожилъ многія радости моей жизни? Принцъ споялъ съ пошупленными взорами и наконецъ сказалъ нетвердымъ голосомъ: Монкади! я заслужилъ ваши упреки, и не жалуюсь на справедливое негодование; но не спанемъ возобновляшъ нашихъ распрей, въ сіи плачевные дни,

надъ развалинами нашего счастья и моего спокойствія! — Что хотите вы сказать? спросилъ Монкади, помолчавъ съ угрюмой важностью. — Я желалъ бы, чтобъ это была хорошая вѣсть, въ вознагражденіе за печаль, которую я вамъ причинилъ. О Монкади! вы опомщены горестію, въ которую повергло меня объясненіе судьбы моей; опомщены сей мучительной тоскою, лишающей меня покоя! — Что вы хотите сказать? повторилъ Монкади смягченнымъ голосомъ.

Еще разъ несчастный спарецъ испытывалъ одну изъ мучительнѣйшихъ минутъ его жизни, когда Принцъ открылъ ему ужасную тайну, когда внималъ послѣднимъ словамъ дочери. Но кроткое, мирное расположеніе, выраженное въ оныхъ, имѣло благотворное вліяніе на возмущенныя чувства его; послѣ первыхъ изліяній негодованія, горесть его смягчилась. — Принцъ

прервалъ жалобы Монкадія : я виною смерши моей несчастной дочери! я недостойнъ нѣжной пощады , съ кою сія превосходная женщина обо мнѣ говоритъ. Необузданное легкомысліе управляло мною во всю жизнь, оно влекло меня опть одного преспуленія къ другому, пока я наконецъ совсѣмъ забылъ законы и нравственностъ. . . О Монкади! ежели бы я, подобно вамъ находился у предѣла безпорочной, хощя и горестной жизни! но куда не обращаю взоры въ прошедшемъ — изъ каждаго воспоминанія раждаюпся фуріи.

Тутъ вошла Игуменья, дабы отвести ихъ къ больной, кою соспояніе съ шѣхъ поръ спановилось все хуже. Геліодора слѣдовала за нею, и едва увидѣла спараго Монкади, какъ бросилась въ его объятія съ громкимъ восклицаніемъ: Отецъ моей мапери! Ты—шя дочь моей Серены? воскликнулъ онъ, съ радостнымъ удивленіемъ и прижавъ

ее нѣсколько минушь къ препенущему сердцу, пошелъ, опираясь на ее руку, къ болѣзненному одру несчастной внуки.

Слабая искра жизни заблестала въ попухающихъ очахъ ея, когда она увидѣла входящихъ. Принцъ бросился на колѣна передъ кроватью и въ смущеніи закрылъ лице, когда Ангелика умирающимъ голосомъ назвала его опцемъ. Братъ мой! Братъ мой! сказала она Гвидъ, спояшему по другую спорону на колѣняхъ, и пораженная ужасомъ сей мысли, упала въ безсильи назадъ. Монкади споялъ пошупя голову, обнимаемый Геліодорой; колѣна его дрожали, онъ наклонился къ лицу Ангелики и поцѣловалъ ея блѣдныя щеки. Вдругъ дверь опворилась и Алессіо лежалъ на груди опца своего.

Подобно возвращающимся пѣнямъ, вышли шенерь изъ могилы прошедша-

го, давно разлученные родственники,
чтобы въ совокупныхъ жалобахъ про-
вести вечеръ жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Еще разъ обратимся къ тому времени, когда наши герои находились при печальномъ источникѣ горестей, кои теперь наполняютъ скорбю сердца ихъ! Мы смопримъ на уединенный берегъ, гдѣ вѣрная Агаша съ воплемъ смопрѣла въ слѣдъ за удаляющимся судномъ, печальный крикъ дияшати умножалъ жалобы ея, пока наконецъ Корнелія подоспѣла съ своимъ брашомъ, чшобы услышать ужасное из-

въспіе , Отець Серены въ безмолвіи упалъ на колѣна; но сжатія руки, и громкій вопль, испоргшійся изъ стесненной груди, показывали чрезмѣрность горести его. Даже великодушная Корнелія лишилась бодрости, съ копоною доселѣ переносила мучительнѣйшія произшествія въ жизни. Ахъ! они бы охотно подверглись всему для любезной, а теперь были такъ безсильны къ спасенію, безсильны къ помощи ея! На слѣдующее утро отправили они вооруженную Фелукку для опысканія разбойниковъ, коихъ дороги никто не зналъ, и они только увѣрились, что вся надежда поперяна. —Теперь, веселый замокъ въ Кампаніи казался Корнеліи пустынею, а когда милое дитя друга улыбаясь смотрѣло ей въ глаза, то чувствовала неизъяснимое уныніе. Безушѣшному опцу свѣтъ казался мертвымъ; надежда на покойную старость совершенно исчезла, и радость о счастьи сына не могла проникнуть печальнаго

покрова, облакавшего душу его.

Алессіо провелъ нѣсколько недѣль въ Капаніи и первый впушилъ Мархезъ мысль поселиться въ своихъ Неапольскихъ помѣстьяхъ. Сія мысль понравилаеь ей. Ничто уже не привязывало ее къ опечесству, гдѣ она споль многого лишилась, и гдѣ всегдашнее воспоминаніе не давало зажить сердечнымъ ранамъ. Братъ сопутствовалъ ей. Сей несчастливецъ видѣлъ распоргушными не только пріянные узы, которыми природа его соединяла; но все въ сіи дни отшоргалось насильственно опъ его сердца, ибо топъ старый сослуживецъ, о коемъ говорила Серена, оспавилъ его съ гнусной неблагодарностью, и болѣзненно поколебаль вѣру его въ дружбу и человѣчество.—Такъ сгущались, мало-по-малу, облака, кои споль мрачно облакали душу его, когда мы въ первый разъ открыли его въ дикомъ обиталищѣ.

Все семейство провело около шестидесяти дней в Неаполь; однажды Алессіо прогуливался в гавани, куда только прибыл Испанскій корабль. Одинъ купецъ изъ Кадикса, коего товары выгружали, всунилъ съ нимъ въ разговоръ, обратившійся вскорѣ на несчастіе, кое не за долго передъ тѣмъ опустошило часть Королевства, Незнакомецъ разсказалъ, что получилъ первое извѣстіе о томъ въ Алжирѣ, ибо въ бытность его тамъ, возвратились нѣсколько разбойничьихъ кораблей, кои при семъ случаѣ дѣлали грабежи на берегахъ, и между прочимъ похитили молодую Сицилианку. Глаза Алессіа засверкали, онъ неперпѣливо просилъ Испанца описать ее подробнѣе. Я самъ не видалъ ее, опивчалъ сей, но Турокъ, котораго мнѣ о томъ разсказывалъ, видѣлъ ее украдкою, когда вели ее въ гаремъ Дѣя; онъ много говорилъ о ея красотѣ и печали, выхвалялъ величественный ростъ и густые, темнорусые, кудрявые во-

лосы. Алессіо былъ увѣренъ, что сія несчастная сестра его и рѣшился на отважное предпріятіе ея освобожденія.

Незнакомецъ, коему Алжиръ былъ весьма извѣстенъ, оспался еще нѣсколько дней въ Неаполь; онъ сообщилъ Алессіо разные совѣты и правила предосторожности, далъ ему письмо къ одному честному Туркѣ, у коего онъ оспанавливался. Сопровождаемый благословеніемъ и надеждою родныхъ, жалобами и печальными предчувствіями любезной своей, Алессіо отправился на томъ кораблѣ, копорый привезъ купца въ Неаполь. Судьба видимо вооружилась противъ всего рода Монкади, грозная десница ея шакже постигла его и разрушила узы нѣжной любви.

Турокъ, коему онъ представился какъ шоварищъ въ торговлѣ Испанскаго купца, принялъ его ласково; оспорожно

дѣлаемая освѣдомленія, казалось, подтверждали догадку Алессія, что Серена ожидаетъ его помощи. При всемъ искусствѣ и оспорожності, съ коими началъ онъ свое предпріятіе, не взирая на богатые подарки, коими пролагалъ себѣ путь, часто шолько счастливыи случай предохранялъ его опъ угрожавшихъ опасностей. Въ два мѣсяца едва получилъ надежду, что, можетъ быть, заключенная замѣшила его въ саду, гдѣ онъ переодѣвшись иногда бывалъ. Онъ видѣлъ ее шолько издали окруженную невольницами и евнухами, но и подъ покровомъ часныхъ покрывалъ и восточнаго пышнаго одѣянія, онъ мнилъ видѣть величавый видъ Серены, а въ нетвердой колеблющей походкѣ узнавалъ горестъ души ея.

Около сего времени Дѣи съ гаремомъ своимъ отправился въ увеселительный замокъ, лежащій болѣе на воспокъ къ берегу, ибо въ Алжирѣ показались при-

знаки чумы. Алессіо надѣялся, что сіе обспоипельство споспѣшеспавуетъ его намѣренію, и бодро послѣдовалъ шуда на другое ушро. Дабы не возбудипь подозрѣнія, онъ сказалъ своему хозяину, что возвратипся черезъ нѣсколькo дней; но оный уже нѣсколькo мѣсяцевъ шщепно ождалъ его, когда Испанскій корабль опяшь прибылъ въ Алжиръ и начальникъ онаго освѣдомился объ Алессіо. Турокъ уже не сомнѣвался, что иностранецъ погипь на пуши во внушренноспъ земель, и опослалъ обратпо все, что у него оспавалось изъ его вещей, къ Испанскому другу его.

Съ сипмъ печальнымъ извѣспіемъ возвратиплся корабль въ Неаполь, и принесъ многимъ особамъ печаль и безконечную гореспъ. Цецилія увѣдомила насъ, какъ она была принесена въ жершву; но о печали Корнеліи, о гореспи опща никшо еще не упоминалъ. Да кто бы и могъ описать ее, кто можетъ

изъяснишь разтерзанное сердце, въ ко-
емъ и старыя раны еще не закрылись,
кто сію безмолвную снѣдающую по-
ску? Возврати мнѣ дѣпей моихъ! вос-
клицалъ онъ часпо, въ мрачной задум-
чивости воздѣвая руки къ небу—Воз-
врати мнѣ дѣпей моихъ! восклицалъ
онъ съ ужаснѣйшимъ выраженіемъ оп-
чаянія. Корнелія щещино спаралась
ободритъ его, и наконецъ придумала
пагубное средство—единое, какъ дума-
ла она, могущее привязать его опяшь
къ жизни, и озаришь мракъ, въ коемъ
душа его погружена. Она однажны во-
шла къ брату своему и привела Анге-
лику въ его объятія. Поди къ дѣдушки!
сказала она дыпяши, проси его, чпобы
онъ былъ ласковъ и любилъ шебя. Не
сердись, любеный дѣдушка! не сердись!
сказала мамюшка ласкаясь, и раздѣляя
нависшія кудри спарца съ угрюмаго
чела. Чпо такое? Чпо ты хочешь?
сказалъ онъ, приходя въ себя изъ уны-
лыхъ мечтаній. Хочу возвращишь ше-

бъ спокойствіе! возразила Корнелія. Я знаю нѣчто, что можешь усладить горестнѣ твою, произведи спокойствіе; но прежде объщай мнѣ пожегновенно владѣть самимъ собою, чтобы я тебѣ не сказала: Объщай не предпринимаешь ничего, не обдумавъ хорошенько; объщай взирать только на свѣплую спорону моего открытія, а отъ мрачной отвратишь взоры. — Чшо можешь ты еще сказать мнѣ горестнаго? спросилъ Монкади, взявъ сестру за руку. Тутъ Корнелія открыла ему давно скрывающую тайну, и кончила словами: Видишь! ты не совсѣмъ лишился дѣшей; ибо любезная дочь оставила тебѣ сего ангела, чтобы усладить горестную спаростъ твою.

Между тѣмъ какъ Корнелія рассказывала, Монкади часто измѣнялся въ лицѣ, и съ трудомъ удерживалъ изліяніе возмущеннаго сердца; теперь вскочилъ онъ съ сверкающими глазами, въ

коихъ изображалась горесць, негодованіе и яросць, и вскричалъ внѣ себя: Нѣтъ! я ничего не обѣщаль! ты хотѣла доставишь мнѣ спокойствіе, а приносишь опчаяніе! . . . О дочь моя! бѣдная дочь моя! какимъ-шо образомъ тебя обманули? послѣдовало молчаніе; опустивъ глаза, онъ увидѣлъ Ангелику, проспиравшую ручѣнки къ нему. Онъ взялъ ее на руки, и, прижимая къ сердцу, сказалъ прерывающимся голосомъ: Несчастное дитя! да, ты должна замѣнишь мнѣ свою мать. Но въ преспарѣлыхъ рукахъ моихъ есть еще довольно силы, чшобы опмстись за ея слезы жестокому опцу пвоему. . . Мищеніе! будешь мой пароль доколѣ я его найду, продолжалъ онъ, опустивъ дитя. Мищеніе! мищеніе за ея слезы! буду я повпоряшь ежечасно, чшобы возбуждать свою яросць.

Корнелия бросилась къ нему на шею. Любезный Брашець! сказала она съ

крошестію, уже и пакъ довольно горестей! а ты хочешь еще перенести спраданія прошедшаго въ настоящее, въ опдаленную будущность? Наслаждайся оставшимся тебѣ утѣшеніемъ, радуйся счастію, которое процвѣтаетъ тебѣ подъ снопами враждебной судьбы. — Монкади отвѣчалъ съ горестнымъ выраженіемъ: О ежелибы я могъ перемѣнить въ свою грудь мое сердце съ ужасными его перзаніями? Несчастливая была только твоей другъ, но мнѣ она была дочь. . . .пусти меня, Сесира!пусти? никакая сила не обезоружитъ руки моей, доколѣ не исполню надъ извергомъ долгъ наказующаго рока.

Тщетно старалась Корнелія укротить бурю, возставшую въ душѣ его; все что онъ заключалъ въ груди своей, въ сіе горестное время, испорглось изъ оной съ неукротимой силой, и счастливое сердце его почувствовало

облегченіе, узнавъ виновника горчайшихъ бѣдствій. Въ шопъ же день послалъ онъ Принцу грозный вызовъ; но тайну рожденія Ангелики должно было умолчать, дабы не помрачить память Серены. На слѣдующее утро онъ навсегда распался съ огорченной сестрой, и вскорѣ явился предъ врагомъ своимъ на мѣстѣ сраженія при ла-Кавѣ. Бонари, какъ намъ извѣстно, былъ споль опасно раненъ, что казался безо всякой надежды; Монкади поспѣшью бѣжалъ, и скрывался въ окрестности, пока узнаетъ послѣдствіе. Отецъ Принца сильно воспламенился противъ стариннаго врага своего и радовался случаю, что можетъ погубить его. Монкадія преслѣдовали, но онъ былъ извѣщенъ заблаговременно, и получилъ вспомошествованіе отъ сестры, дабы бѣжать изъ предѣловъ Государства.

Между тѣмъ какъ сіе происходило на родинѣ, Алессіо также не былъ сча-

спливъ на негостепримныхъ берегахъ Африки. Подкупивъ наконецъ надзира-
 шеля садовъ, онъ въ одеждѣ невольника
 почпи весь день работалъ съ нимъ,
 ожидая благопріятной минулы для сво-
 его намѣренія. Вечеромъ, окончивъ днев-
 ную работу, или въ знойные часы по-
 лудни, когда власпишель его покоился
 въ бесѣдкахъ, онъ съ равнодушнымъ
 видомъ приближался къ замку, и при-
 пѣвалъ къ гипарѣ Сицилійскіе романсы.
 По вечерамъ ему всегда отвѣщспивовала
 люшня, счастливыи знакъ, что его
 узнали и поняли; а наконецъ, когда
 онъ увѣрился, что безъ опасенія мо-
 жетъ ввѣрить свою шайну опече-
 спвенному языку, по однимъ упромъ
 рассказалъ плѣнницѣ планъ освобожде-
 нія, на голосъ печальной пѣсни. Слѣ-
 дующая ночь была тиха и шемна. Съ
 сильно бьющимся сердцемъ прокрался
 Алессіо подъ окнами, тихими звуками
 гипары далъ знать о своемъ приходѣ,
 и ожидалъ отвѣща. Рѣшешка у окна

отворилась, нѣжный голосъ сказалъ ему на Сицилійскомъ языкѣ , что все готово къ побѣгу. Онъ былъ удаченъ; у берега дожидалось судно, и они вскорѣ прибыли благополучно на Испанскій берегъ.

Въ первыя минуны ничто не открыло ошибки Алессія; съ принадлежащаго года онъ не видалъ сеспры своей, и зналъ видъ ея только по описанію Корнелии. Но каково было изумленіе его когда ошибка открылась! Освобожденная дѣвушка было подруга сеспры его , коей участь онъ шеперь узналъ; но надежда опыскашь ее поколебалась ; ибо корсары, возвращаясь на корабль , хвалились , что Серену и ея освободителя, коего почишали пуземнымъ разбойникомъ, оставили смертельно раненными въ лѣсу. Наконецъ Алессіо отправился съ своей спутницей на Левантскомъ корабль; и послѣ продолжительнаго неблагопріятнаго пла-

ванія они опять узрѣли пріятные берега Сициліи. Тутъ разспался онъ съ признапельной дѣвушкой, копорую освободилъ, дабы слѣдовать слабой надеждѣ, пережившей извѣстію о состояніи, въ коемъ оставила она Серену. Алессіо не зналъ мѣста, гдѣ нѣкогда приспавали разбойники въ Морель, и уповалъ единственно на счастье, которое злобно привело его на пропивулежащую спорону берега, и съ жестокостію скрыло всѣ слѣды, когда онъ проходилъ весь полуостровъ по разнымъ направленіямъ.

Тоскуя о погибели великодушной сестры, кончилъ Алессіо свое спрансвожаніе; грустя возвратился въ Неаполь, гдѣ ожидали его еще величайшія горести. Почти два года продолжалось его опсущствіе; сколько перемѣнъ произошло въ сіе время! Насмѣшки завистниковъ встрѣтили его, и льстившая ему счастье на гражданскомъ по-

прищѣ было уничтожено на всегда; опецъ его скипался безъ приспанища въ чужихъ спранахъ; любезную заключали спѣны неизвѣснаго монастыря. Одна Корнелія спояла спокойно подѣ ударами рока, и спаралась ушѣшашъ несчастнаго друга, кошорый прибѣгнулъ въ ея объятія. Она уже послѣ узнала мѣсто, гдѣ спенала Цецилія, слѣдспвенно не могла опвѣчашъ другу своему, когда Алессіо усильно просилъ наименовашъ монастырь, заключившій любезную его; родители Цециліи шщасельно скрывали сіе, спрашась насильспвеннаго поступка со спороны любви Алессія, ежели бы онъ явился прежде нежели несчастная произнесетъ невозвратный обѣщъ. — И пакъ, нельзя уже спасти ея? она на всегда поперяна? спросилъ Алессіо глухимъ, препенущимъ голосомъ. Я думаю, что время искуса сокрапили, возразила Корнелія, и бѣдная Цецилія давно произнесла плачевный обѣщъ.

объять. Но знаешь ли, что сказала она мнѣ при разлукѣ нашей? Ежели вы его когда либо увидите, говорила она со слезами, то скажите ему чшобы онъ меня не забывалъ, ибо я его также никогда не забуду; но пусть онъ сохранишь память мою въ мирѣ и спокойствіи.—Уже за нѣсколько дней Корнеміа замѣнила по безпокойству его, что Алессіо занялъ какимъ-то намѣреніемъ, какъ однимъ упрямъ, тщетно искавъ его вездѣ, нашла на сполікѣ сіи спроки, изъ коихъ вывела печальнѣйшія заключенія: Прощайте, прощайте на всегда, благородный другъ! Я иду искать того мѣсна, гдѣ бы могъ исполнить послѣднюю просьбу Цециліи.—Алессіо прошелъ часть королевства, сначала жилъ онъ въ гористой странѣ Калабріи, потомъ нашелъ наконецъ мирную долину, гдѣ жилъ подъ чужимъ именемъ, дабы сокрыться отъ взоровъ любопытныхъ, и избѣжалъ преслѣдованія враговъ своихъ.

Сердце Корнедіи, оставленное вѣсѣмъ, что его некогда привязывало, обратилось съ вѣщей любовью къ маленькой Ангелики; но бодрость духа ея мало по малу испощилась отъ горестей посипгавщихъ ее въ печеніи чешырехъ лѣтъ; веселость, оживлявшая ее, превратилась въ тихое уныніе, и телесная крѣпость наконецъ ослабѣла. Она конечно не навсегда лишилась перво-бышнаго спокойствія, векоръ ушишилась скорбь, удручавшая сердце ея; но на Ангеликино образованіе сіе перемѣнное расположеніе духа, и частыя болѣзни сей великодушной женщины, имѣли неблагопріятное вліяніе. Съ самаго младенчества, она должна была находиться подъ чужимъ надзоромъ болѣе, нежели желала того материнскій другъ ея. При столь же благородномъ образѣ мыслей, при столь же живомъ воображеніи и такой же чувствительности, коими обладала Серена, дочь ея имѣла менѣе душевной силы, и не

чувствовала необходимости во внутреннемъ согласіи, и ежели оное однажды было разрушено, то едва ли могло бытъ опять возстановлено.

Мы отчасти сопровождали Ангелику по темному пути жизни ея, видѣли беззащитное сердце ея преданное бури спраспей, кои прошивились благороднѣйшему сопротивленію ея. Положимъ, что мечтательность подкрѣпляла ее, что воображеніе превозносило ее надъ самой собою, и что она болѣе полагалась на свои силы, нежели должно было — кто объ ней не пожалѣеть? Все существо ея теперь ослабло, и несчастная должна пасть подъ бременемъ, когда въ послѣдствіи времени судьба ея обнаружилась.

Угасающіе глаза ея поконились на незнакомыхъ лицахъ, собравшихся теперь вокругъ одра ея, особенно устремлялись на почтенное лице дѣда ея, ко-

торый по описаніямъ Корнеліи сдѣлался любимымъ предметомъ ея воображенія. Какое свиданіе! воскликнулъ Алессіо въ объятіяхъ ошца, послѣ первыхъ минулъ безмолвія. Какое новое бѣдспівіе!.. Горе виновнику онаго! — Горе! горе! прервалъ ошець глухимъ жалобнымъ голосомъ, и они оба наклонились къ спрадалицѣ. — Не отправляйте мнѣ эпошъ часъ! сказала она слабымъ голосомъ. Дайте мнѣ умереть съ утѣшеніемъ, что всякая вражда уничтожена. Я бы не желала предстать предъ матушку и Корнелію, съ повѣспованіемъ распрей вашихъ, и шѣмъ возмутить примиренныя души ихъ. Дайте мнѣ вкусить послѣднюю радость, примиривъ васъ. ! Монкади схватилъ руку Принца, и сказалъ по нѣкопоромъ молчаніи въ полголоса: Я прощаю васъ, и постараюсь забыть сколь глубоко вы меня уязвили.—Миръ! Миръ! сказала Ангелика шихо, и опустила склоняющуюся голову на грудь Геліодоры.

Тупъ подошелъ Ринальдо изъ опда-
ленія, откуда онъ, съ появленія Алес-
сія, съ распроганнымъ сердцемъ раздѣ-
лялъ общую горестъ. Ангелика про-
сперла къ нему шрепещущія руки, онъ
спалъ на колѣни подлѣ кровати, она
приклонилась на грудь его, онъ обнялъ
ее и воскликнулъ съ прогашельнымъ
выраженіемъ: О Ангелика моя! въ ка-
комъ положеніи нахожу тебя? Послѣ
нѣсколькихъ минушь Ангелика взяла
руку Геліодоры, положила ее въ Ри-
нальдову руку, и сказала слабымъ го-
лосомъ: Вы любите другъ друга, будь-
те счастливы! Не забудьте меня!..

Геліодора поверглась во мѣ Ринальда
на колѣна и соединенныя ихъ руки
обняли несчастнаго друга. Дѣдушка!
благословице и вы союзъ ихъ! сказала
Ангелика, приподнявшись, едва вняп-
нымъ голосомъ Монкадію, который съ
чувствомъ обнялъ стоящихъ на колѣ-
няхъ. Ангелика ояшь упала на грудь

Геліодоры, дыханіе ея постпепенно ослабвало, глаза ея съ улыбкою закрылись; прощайте! прошепшала она, и душа удалилась опть суроваго дуновенія земли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

По высокимъ сводамъ церкви раздавались глухіе звуки органовъ , и торжественное пѣніе , напоминающее о воздаяніи и грозномъ судѣ. Не подалѣку отъ усопшей , лежащей на черномъ кашафалкѣ, сидѣлъ Принцъ ; душа его погрузилась въ мрачную задумчивость ; каждый звукъ пѣнія потрясалъ ее , и ошчаяніе боролось въ глубинѣ оной.

Вдругъ глухіе тоны превратились въ нѣжные звуки, и стихи, кои Алесіо посвящилъ памяти усопшей, разлили успокоеніе въ сердца скорбящихъ:

Къ звѣздному своду быстро парн!...
 Тамъ обьипають тѣни друзей,
 Мирно, копорья туда полетѣли,
 Оставивши насъ на землѣ.

Ты зрѣла увядимымъ цвѣтѣмъ жизни швоей,
 Едва лишь весной насладилаься,
 И путь свой печально свершила
 Чрезъ мрачную хранину жизни.

Грознаго рока добыча!
 Рано себя онъ похитилъ;
 И мрачимъ путемъ пропекая,
 Рано обрекъ себя въ жертву.

Ахъ, часто мы видимъ берегъ желанный,
 Но онъ сокрывается далью —
 И мы уполенные яростиной бурей
 Осипаемся лишь въ грозной спихи.

Жаждемъ лучей мы опраднаго солнца
 И не чувствуемъ Юга дыханья,
 Мрачныя волны съ собой увлекають
 И тихій покой нашъ и наши желанья.

Къ звѣзному своду быспро пари!
Туда тебя маяють пѣвни драгія,
Мирно которыя памѣ обиваютъ,
Оставивши насъ на землѣ.

Съ скорбною душою распалась Геліодора съ моголою сестры на другой день погребенія, когда всѣ огорченные оставили монастырь; со слезами просилась она съ Цециліей, которая въ крапкое время ихъ знакомства такъ искренно привязалась къ другу, къ вѣжной, любящей повѣренной своихъ спраданій. Въ послѣдніе дни несчастная Игуменья испытала сполько чужихъ, сполько собспвенныхъ горестей, кои видѣ Алессія опять возобновилъ. Благородный мужъ сей избѣгалъ встрѣчи съ нею и скрывалъ свое волненіе, когда общія дѣла принуждали ихъ быть вмѣспѣ. Но когда она передъ распаваніемъ, въ объясніяхъ Геліодоры проиносила спихія жалобы, то Алессіо воспользовался сей минушой, чшобы

возстановить возмущенное спокойствіе ея. Или вы забыли, сказалъ онъ, какое прощаніе вы мнѣ нѣкогда оставили? Я до сихъ поръ слѣдовалъ вашему приказанію; но и вы исполните теперь мою просьбу; сохраните воспоминаніе обо мнѣ въ спокойномъ веселомъ сердцѣ.—О подите! оставьте меня! сказала она тихо; уже и то грѣхъ, что я измѣнила слабосію свою предъ вами!—Нѣтъ, Цецилія! это не грѣхъ, возразилъ Алессіо съ швердосію; ибо то, что насъ нѣкогда соединяло, было непорочное, священное чувство, которое и теперь можетъ соединять насъ. Но вы шяжко погрѣшите, ежели не будете пещись о спокойствіи сердца своего. Пустьъ я разлучусь съ вами въ пріятной увѣренности, что вы исполните просьбу мою! — Да, я хочу! сказала она спѣсеннымъ голосомъ. И хотя послѣ того уже не мрачная ночь скрывала будущность ея, но печальный сумракъ всегда осѣнялъ душу.

ея; наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ печально проведенныхъ лѣтъ, она нашла спокойствіе подлѣ Ангелики.

Алессіо долженъ былъ отказаться отъ уединенной жизни, дабы предаться заботамъ и дѣятельности, коихъ требовало отъ него соединеніе съ родными. Онъ препроводилъ ихъ въ небольшое жилище свое, дабы взять отътуда своего питомца. И такъ счасты мои съ обществомъ еще не кончены! сказалъ онъ Ринальду, взглянувъ въ послѣдній разъ на пріятную долину. — Новая жизнь, въ кою вы вступаете, служишь лучшимъ доказательствомъ, что вы и общество имѣли еще претребованія другъ къ другу, возразилъ Ринальдо. — Пойдемъ бодро во сретеніе сей новой жизни, продолжалъ Алессіо, сія безмятежная долина всегда останется послѣднимъ прибѣжищемъ. Первый взоръ, брошенный имъ въ свое сердце, показалъ ему необходимость

оставишь свое уединение; волнение, въ коемъ онъ нашель его, заспавляло его спрашнпсья за свое спокойствіе, ежели мрачныя спъны монаспыря, въ коихъ спенала возлюбленная, останупсья на всегда предъ его глазами; каждый звонъ опдаленнаго полунощнаго колокола, напоминаль бы ему жалобы ея. Теперь сила и присутствіе духа были ему весьма нужны, дабы поддерживать опца, коего новья гореспн сильно разстроили.

Вскоръ по прибытіи ихъ въ Неаполь, учаспъ Монкадія рѣшилась въ его пользу; ибо ему не трудно было доказать благородныя намѣренія его союза, а малому числу оставшихся еще прежнихъ враговъ его, вліяніе Принца легко держало равновѣсіе. Примѣпно подѣйствовало на возвышеніе и развеселеніе духа его, когда онъ въ сопровожденіи сына и Ринальда возвратился къ братьямъ, и съ ослабляющимися взорами

возвѣспилъ имъ свободу. Всѣ окружили его съ необузданной радостью, когда появленіе его уничтожило ихъ опасенія; они разрушили свои хижины, дабы разбойники не осквернили сего убѣжища, и въ послѣдній разъ послѣдовали за почтеннымъ начальникомъ, возвратившимъ ихъ въ нѣдра согражданъ своихъ.

Нѣсколько дней спустя, Принцъ оставилъ Неаполь, уступивъ напередъ все имѣніе сыну своему, и получивъ еще разъ порожественное прощеніе отъ Монкади. Онъ провелъ ошашокъ жизни пусшынникомъ въ мрачномъ лѣсу, при подошвѣ Гарганы. Образъ Серены и видъ умирающей дочери безпрестанно преслѣдовали испрашенную душу его, и одна только смерть могла освободить его отъ мучительнаго раскаянія. — Люди, подобнаго ему образа мыслей, и тогда являющіяся слабыми, когда лучшія чувства ихъ пробужда-

ются. Не помышлявъ никогда о вну-
 преннихъ чувствѣхъ своихъ, они по-
 читаютъ себя уже усовершенствован-
 ными, когда только перемѣнили окру-
 жавшіе ихъ предметы. Ихъ раскаяніе
 есть бездѣйственное покаяніе, когда
 напроивъ благороднѣйшія существа,
 ежели и соврашились съ души добро-
 дѣтели, но находятъ въ самихъ себѣ
 побужденіе и помощь къ возстановле-
 нію прежняго достоинства, и въ обла-
 гороживанію своему.

Между тѣмъ Ринальдо нашелъ опять
 своего друга Францеско, который, не
 найдя его въ замкѣ своемъ при Ба-
 сентѣ, поспѣшилъ къ Гае-
 шанѣ; не найдя его и тамъ, искалъ
 нѣсколько дней въ окрестностяхъ Ла-
 Кавы, и возвратился въ свой замокъ.
 Шушь письмо, отправленное Риналь-
 домъ, поспѣшь по отысканіи Гелю-
 доры, успокоило его опасенія, и пока-
 зало слѣды, гдѣ могъ найти Ринальда.

Такъ какъ Францеско осведомлялся только у житемей аренды, коихъ несвязныя извѣстія онъ понять не могъ, но грустное расположеніе Ринальда, и печальныя извѣстія, коими онъ былъ встрѣченъ, весьма удивили его. Съ вопрошающими взорами смотрѣлъ Ринальдо на друга своего, когда оный кончилъ повѣствованіе о поискахъ своихъ. Наконецъ Францеско сказалъ улыбаясь, что принесъ ему поклонъ и извѣстіе отъ Гаешаны. Она приняла незнакомца съ довѣренностію, какъ скоро онъ объявилъ себя другомъ Ринальда, и съ вѣрною опроверженностію рассказала все, что происходило между его и Ринальдомъ. Родственникъ изъ Молно находился у нихъ. Францеско оспорожно снзирался увичшожипъ ея надежды и склонилъ расположеніе ея къ сему честному юношѣ. Вѣроятно они скоро будутъ соединены, сказалъ Францеско, мать Гаешаны даже замѣчаетъ, что она уже оказываетъ къ

нему болѣ склонности, нежели вѣжде. Ты не только пробудилъ чувства ея, но освободилъ также воображеніе; жизнь ея, которая бы пропекла въ простыхъ незамѣчаемыхъ наслажденіяхъ, представилъ ей свѣтлѣе и пріятнѣе при воспоминаніи о тебѣ.

Геліодора также посвятила тихую горестъ воспоминанію о сестрѣ. Она поселилась въ виллѣ Ормондели съ дѣдомъ своимъ и Алессіо: тамъ многіе предметы подавали ей поводъ разсмаширивать пройденное ею поврище. Произшествія, повстрѣчавшіяся съ нею, съ тѣхъ поръ, какъ предоставленная сама себѣ, неслась она на колеблющейся волнѣ жизни, весьма живо представлялись душѣ ея; она уже теперь предчувствовала переменъ, медленно образующуюся въ сердцѣ ея, когда разсмаширивала оное въ спокойные часы. Общопытельство, что была предоставлена сама себѣ въ такомъ періодѣ юно-

шескихъ льтъ , когда опасность развлечься и забыть себя споль велика и могла сдѣлаться еще пагубнѣе, ошъ чрезмѣрной чувствительности Гелюдоры, сіе обстоятельство заставило ее бодрствовать внимательнѣе надъ собою; приученная заблаговременно вскачь и находить помощь нолько въ самой себѣ, она познакомилась съ сокровеннѣйшими изгибами сердца своего. Но еще болѣе подѣйствовали собственныя горести, перенесенныя ею, чужіе несчастія, коихъ была свидѣтельницею, и горестныя попеченія, кои должна была имѣть о любезныхъ ей особахъ, изнемогающихъ подъ жестокими ударами судьбы. Къ ея веселому нраву присоединилась шихая меланхолія , а важность совокупилась съ привлекательной наружностью; чувства сдѣлались свободнѣе и необманчивы, умъ посполненъ и швердъ. А любовь—сія окончательная образовательница добровравныхъ существъ — не возмущала

умъ ея; она была для Геліодоры пріятная теплота, производящая новые цвѣты на пути жизни, а ежели она иногда и наводила легкій шуманъ на сердце, то оный при первыхъ лучахъ солнца превращался въ позлащенные облака.

Наконецъ настала блаженный часъ, освятившій союзъ любящихся, и долженствующій вознаградить ихъ за всѣ спрдаданія и утвердить счастье сердець ихъ.

Теперь казалось, что судьба примирилась съ гонимымъ ею досель родомъ Монкадія. Нежные попеченія любезной внучки услаждали мрачное уныніе стараго Монкади: послѣ столь продолжительныхъ несчастій, онъ имѣлъ неожиданное благополучіе покоишься въ объятіяхъ счастливыхъ дѣтей, и видѣлъ вечеръ жизни своей непомраченный тучами. И Алессіо опять началъ наслаждаться жизнью; въ обхожденіи съ Ринальдомъ, исполненнымъ живоспи

и дѣвственной силы, и при видѣ прѣянной жизни, угопованной оному любовію, душа Алессія совершенно ободрилась и свергла узы, удерживавшіе прежнюю дѣвственность ея.

Три года спустя, смерть похитила Монкадія изъ сего счастливаго круга; Геліодора закрыла упомленный вѣжди его. Тупъ образъ опечесства пробудился съ живостію въ душѣ ея; едва Ринальдо опгадалъ сіе шайное желаніе, какъ уже посѣщилъ удовлетворить оное. Алессіо не хопѣлъ разлучиться съ ними, и съ удовольствіемъ одобрилъ планъ, составленный Ринальдомъ для будущей совокупной жизни ихъ въ Греціи. — Туда опправимся мы! сказалъ Ринальдо, обнимая супругу и сына, покоившагося на рукахъ ея—шуда опправимся, Геліодора моя! и начнемъ новую жизнь, по образцу швоего превосходнаго древняго міра!

К О Н Е Ц Ъ .

18. IV. 1932

Digitized by Google